

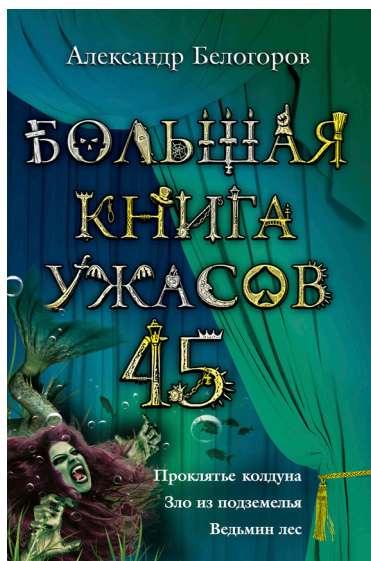
Александр Белогоров

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 45

Проклятье колдуна

Зло из подземелья

Ведьмин лес

Александр Игоревич Белогоров

Большая книга ужасов – 45 (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4441950

Большая книга ужасов. 45 : повести / Александр Белогоров: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-59817-5

Аннотация

«Проклятье колдуна»

И зачем он только плевал на этот дурацкий камень! Колька играл в парке и, не заметив под опавшими листьями камень, зацепился за него ногой и упал. Какая ерунда! – скажете вы, а вот и нет! С этого момента вся жизнь мальчика пошла наперекосяк. Он успел утонуть в ледяной осенней речке, чуть не сгореть в собственной квартире, получить удар копьём. Казалось, бедствиям не будет конца. Но, как потом выяснилось, это только начало. Дело в том, что камень оказался могильным, а в парке много лет назад похоронили колдуна, чье пророчество начало сбываться...

«Зло из подземелья»

Валерка и Светка – лучшие друзья. Ребятам никогда не сидится на месте, и они вечно впутываются во всякие неприятности. Вот и сейчас, отправившись в подвал, они обнаружили тайный ход, уходящий глубоко под землю. Во мраке друзей поджидала страшная находка – скелеты, а еще черная папка, которую они зачем-то забрали с собой. Тут-то все и началось. Сначала Валерка, а потом и Светка потеряли сон, их стали преследовать необычные видения. Загадка не давала покоя, и ребята решили во что бы то ни стало узнать секрет черной папки.

«Ведьмин лес»

Валерка и Светка снова решили отправиться на поиски приключений. На этот раз – в Ведьмин лес, о котором шла дурная молва, будто бы там неоднократно без вести пропадали люди. Не слушая ничьих предостережений, друзья отважно забрались в самую чащу, только ребята и не подозревали, чем может закончиться столь необдуманный поступок...

Содержание

Проклятье колдуна	4
День первый	8
День второй	15
День третий	22
День четвертый	27
День пятый	33
День шестой	38
День седьмой	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Александр Белогоров

Большая книга ужасов – 45 (сборник)

Проклятье колдуна

Камень подвернулся под ногу очень некстати. Налететь на него со всего размаху, предельно удариться да еще растянуться на влажной осенней листве явно было удовольствием сомнительным. К тому же, наткнувшись на него, Коля непроизвольно вскрикнул и выдал свое местоположение. А значит, можно дальше и не бежать, все равно игра проиграна. Да и как бежать, когда нога болит так, словно по ней ударили молотком, и ты можешь только хромать, как старичок из соседнего подъезда. Хорошо еще, если нет трещины, а то и перелома. Тогда – прощайте соревнования, к которым, считай, полгода готовился.

Морщась от боли, Коля поднялся, брезгливо стряхнул с себя прилипшие к одежде мокрые, противные на ощупь листья, присосавшиеся, как пиявки, и заковылял обратно к камню. Оглядевшись на всякий случай по сторонам и убедившись, что никого из взрослых поблизости не наблюдается, он длинно и неумело выругался, старательно выговаривая особо скверные слова, и смачно плюнул на виновника своего падения, почти целиком скрытого под толстым слоем листвы. От этого как будто стало немного легче, и, так как поблизости по-прежнему никого не было, мальчик подумал, не следует ли попытаться продолжить бегство, как вдруг замер на месте, услышав громкое шипение.

Змей он боялся с детства, с тех пор как гадюка на соседской даче укусила мальчика и того с трудом смогли спасти. Встреча с ядовитой гадиной, которую он мог потревожить своим падением, никак не входила в Колины планы. Вспомнив, как следует поступать в таких случаях, мальчик не стал убегать, а вместо этого замер на месте, осторожно скосив глаза в сторону камня, откуда и раздавался пугающий звук. Сначала он подумал, что коварная змея притаилась рядом с ним, но вдруг понял, что шипит его слюна, попавшая на камень, словно это был не булыжник, а раскаленная сковородка. Если бы подобное случилось посреди жаркого летнего дня где-нибудь на пляже, это еще можно было бы понять, но в промозглую осеннюю погоду такое поведение камня превосходило всякое разумение.

Убедив себя, что змеи тут нет, Коля осторожно поворошил ногой листву возле булыжника. Никакого жара он не почувствовал. Озадаченный мальчик почесал затылок и, так ничего и не придумав, плюнул на камень повторно, исключительно ради эксперимента. Шипение повторилось, и на этот раз в нем послышались какие-то раздраженные, свирепые нотки, словно камень был живым и очень рассерженным существом.

Коля, которому уже надоело ломать голову над этим странным феноменом, плюнул на камень в третий раз, уже просто так, и хотел было зашагать прочь, но так и замер на месте, пораженный непонятным, пугающим видением. Прямо над камнем стал быстро подниматься столб дыма или тумана грязно-серого цвета. Поднявшись на высоту, слегка превышающую рост мальчика, туман стал приобретать очертания человеческой фигуры. Камень же засветился красноватым цветом неприятного оттенка, как будто представлял собой не что иное, как огромную головешку из догорающего костра.

Наверное, самым разумным в этой ситуации было просто дать стрекача, но Коля словно прирос к месту, не в силах не только побежать, но даже пошевелиться. Говорят, что сильно испуганный человек иногда не может сдвинуться с места от страха, но мальчик был уверен, что это к нему не относится. Он готов был поклясться, что его удерживает какая-то неведомая сила, как будто опутавшая его невидимыми веревками.

Коля напряженно вглядывался в фигуру из дыма, которая все больше напоминала ему сгорбленного старика в длинном плаще или балахоне. Черты лица разглядеть не представлялось никакой возможности. Видно было только длинную спутанную бороду, доходившую едва ли не до пояса. Но самым пугающим было то, что на месте глаз, словно два уголька, светились два красно-черных огонька, и Коле казалось, будто они направлены на него. Очень хотелось закричать и позвать на помощь, но язык присох к гортани и отказывался повиноваться точно так же, как это было с руками и ногами.

Злобное шипение внезапно прекратилось, но его тут же сменил не менее злобный, каркающий голос. Казалось, будто он не принадлежал живому существу, а был порождением каких-то спецэффектов из фильма ужасов или фэнтези. Одновременно с этим на черно-красной поверхности камня проявились ярко-алые буквы. Они выглядели как-то уж очень несовершенно, словно сошли со страниц древней летописи, и читать их было непросто. Впрочем, голос и надпись на камне дублировали друг друга, так что мальчик прекрасно все понимал.

Ты, кто нарушил мой покой,
Внимай, пока еще живой!
Под этим камнем погребен,
Я троекратно оскорблен,
За дерзкую твою вину
Тебя жестоко прокляну,
Не ведать впредь тебе удач,
Удел твой станет – горький плач.
В день первый на твою главу
Небесный гнев я призову.
А в день второй ты будь готов
Стать жертвою своих врагов.
В день третий святотатца ждет
Холодная пучина вод.
В четвертый вспомнишь ты меня,
Став жертвой адского огня.
В день пятый смерть тебе грозит:
Железо плоть твою пронзит.
В шестой осмотришься вокруг —
Тебя покинул лучший друг.
Пусть правая свершится месть,
И в день седьмой ты ляжешь здесь!
Под камнем оскверненным сим
Достанет места нам двоим!

Надписи на камне сменялись, как бегущая строка на экране телевизора, а голос с каждым новым пророчеством словно обретал новую силу и к концу зазвучал так, что хотелось зажать уши. Одновременно с ним серый туман быстро уплотнялся, и очертания человека, в такт словам потрясавшего длинной бородой, сделались уже совершенно реальными.

Едва отзвучало последнее пророчество, раздался громкий хлопок, сопровождаемый ослепительной вспышкой. Сильнейший порыв ветра, от которого трудно даже было устоять на ногах, разметал листья, едва не засыпав ими мальчика, и в тот же миг туман рассеялся, а камень перестал светиться и вновь сделался совершенно обычным серым булыжником.

Наступила долгожданная тишина. Коля еще несколько секунд простоял как вкопанный, прежде чем понял, что вновь может шевелиться и говорить. Мальчику хотелось немедленно

бежать от этого места, но вместо этого он, обессиленный, опустился на землю. Он ощущал такую усталость, будто только что пробежал марафонскую дистанцию. Его бил жестокий озноб, как при высокой температуре, а руки дрожали, как у закоренелого пьяницы.

– Попался! – раздался за спиной веселый голос Миши. – Чего это ты здесь расселся? Хоть бы спрятался, что ли.

– Я о камень ударился, – тихо проговорил Коля, делая над собой усилие и поднимаясь на ноги.

– То-то мне показалось, что ты кричал, – понимающе ответил Миша.

– А больше ты ничего не слышал? – осторожно поинтересовался Коля. Он находился под впечатлением от увиденного и услышанного, но теперь, когда наваждение рассеялось, все случившееся казалось ему таким невероятным, что и самому не до конца верилось, что это произошло на самом деле.

– Ничего особенного, – Миша пожал плечами. – А что я должен был слышать?

– Ну, голос такой, неприятный... – Коля замялся. – И еще вспышка...

– Ты случайно не головой ударился?

– Да ну тебя! – Коля хотел обидеться, но мысленно поставил себя на место товарища и делать этого не стал. Он вдруг и сам подумал, а не стало ли видение следствием удара, и даже осторожно провел рукой по волосам, нащупывая возможную шишку. Но никаких признаков удара головой так и не обнаружил.

– Накидали тут камней посреди парка. Могли бы и убрать, – проворчал Миша, намереваясь поступить с виновником Колькиного падения так же, как и приятель.

– Не смей! – закричал Коля. – А то тебя проклянут!

– Чего? – Миша опешил и про себя решил, что Колька точно ударился головой. Если только не придумал какой-нибудь дурацкий розыгрыш.

– В общем, это могильный камень, – Коля понял, что сболтнул лишнее, но надо же было как-то предупредить товарища. Конечно, если бы тот поступил так же, как он, это стало бы хорошей проверкой, но подставлять Мишу он, естественно, не хотел.

– С чего ты взял? Камень как камень. – Миша присел на корточки и принялся очищать его от листвы. – Тут и кладбища-то никакого нет.

– Знаю, – не вдаваясь в подробности, пробурчал Коля, присоединяясь к приятелю, чтобы лучше осмотреть загадочный предмет. Начинало смеркаться, и разглядеть что-нибудь становилось все труднее. Поверхность с одной стороны, правда, была шершавой с многочисленными выбоинами, которые можно было при желании принять за стершиеся буквы, но никакой уверенности в этом, естественно, не было.

– Пойдем отсюда, – предложил Миша, которому надоело разглядывать, как он считал, самый обыкновенный булыжник. – Если тебе так интересно, завтра днем на него погляди.

– И то правда, – вздохнул Коля, решив про себя последовать этому совету.

Ребята не спеша побрели к выходу. Коля с удовлетворением отметил, что нога уже почти не болит, а значит, травмы удалось избежать и к соревнованиям, которые должны состояться через десять дней, он будет в полном порядке. Эта часть парка была очень запущенной, поэтому они и избрали ее для своих игр. По мере приближения к более ухоженным местам настроение у мальчика постепенно улучшалось, а странное видение и неприятное пророчество уже и ему самому казались какой-то непонятной галлюцинацией.

– Так что ты все-таки видел? – нарушил молчание Миша, любопытство которого так и не было удовлетворено.

– Из могилы поднялся дух и проклял меня за то, что я плюнул на камень, – Коля дал правдивый ответ, но произнес его таким шутливым тоном, что его приятель только рассмеялся.

– Ну все, Колян, тогда тебе крышка! – воскликнул он, толкнув его в бок.

Конечно, сказано это было в шутку, но Колино настроение от этого почему-то вновь испортилось, а все увиденное и услышанное вспомнилось очень живо.

* * *

Едва Коля открыл дверь, к нему радостно бросился Джек, их домашний пес. Но вместо того, чтобы встать, как обычно, на задние лапы, положив передние на хозяина, он повел себя очень странно: неожиданно зарычал, как будто в квартиру вошел какой-то подозрительный и неприятный для него незнакомец. Шерсть у него встала дыбом, и всем своим видом он показывал, что рассержен, а может, даже испуган.

– Джек, что с тобой? – воскликнул обеспокоенный Коля, пытаясь погладить любимца.

Пес попятился назад, не давая прикоснуться к себе, а потом вдруг заскулил и завертелся волчком, держась от мальчика на приличном расстоянии.

– Что это от тебя дымом несет? – подозрительно поинтересовался подошедший отец.

– Да так, ребята костер жгли, – нашелся Коля и покраснел. Про себя он подумал, что, так как никаких костров нигде не было, да и курильщиков рядом не наблюдалось, дымом он мог пропахнуть только возле камня. А значит, по крайней мере, часть из увиденного ему не померещилась.

– Ну-ну, – покачал головой папа, опасавшийся, что сын пробовал курить. Конечно, тот серьезно занимался спортом и в подобных глупостях никогда замечен не был, но долго ли угодить в плохую компанию. Он тоже был удивлен поведением пса, но решил, что на того так подействовал запах дыма.

Дома Коля первым делом поспешил в душ. Хотелось поскорее отмыться и от этой вони, и от листьев, которые здорово его перепачкали. Осмотрев для порядка свою ногу, уже переставшую болеть, мальчик обнаружил на ней красное пятно приличных размеров. Но, так как оно не причиняло беспокойства даже на ощупь, Коля решил не обращать внимания на это последствие удара, которое, по его мнению, должно было исчезнуть в самом скором времени.

После того как мальчик помылся и переоделся, Джек слегка успокоился, но периодически его обнюхивал, слегка поскуливая. Когда же Коля решил его погладить, пес, сначала попятившись назад, все-таки согласился на эту процедуру, однако дрожал всем телом. Обеспокоенный отец внимательно осмотрел собаку, однако не увидел никаких признаков болезни. На всякий случай он решил на следующий день отвести домашнего любимца к ветеринару, чтобы исключить худшие опасения и в случае чего вовремя принять меры.

Вечером, за обычными занятиями и поглощенный мыслями о непонятном поведении Джека, мальчик и думать забыл про дневное происшествие и вспомнил о нем, только уже лежа в постели. Теперь оно казалось уже столь же нереальным, как прочитанная книга или увиденный фильм, или даже странный сон. Коля уже готов был поверить, что все это ему показалось, решив, однако, на следующий день после школы разыскать на всякий случай этот камень, чтобы разглядеть его как следует и убедиться, что ничего необычного в нем нет.

День первый

Обычно Коля вставал рано. Несколько лет назад, когда родители согласились завести собаку, обязательным условием было то, что сын сам будет выгуливать ее по утрам. И за это время он уже успел привыкнуть к ранним побудкам и прогулкам в любую погоду. Однако на этот раз мальчик с трудом оторвал голову от подушки, словно и не спал всю ночь, а лег совсем недавно. Он даже подумал, не простудился ли вчера, однако горло не болело, а нос дышал совершенно нормально. К тому же болеть сейчас было никак нельзя: до соревнований оставалось всего ничего.

Через силу поднявшись и умывшись холодной водой, чтобы хоть немного взбодриться, Коля позвал Джека на привычную прогулку, однако тот забился под стол и, глядя на хозяина грустными глазами, наотрез отказывался покидать убежище. Поднявшийся отец уверился в болезни пса и сказал, что утренняя прогулка отменяется, после чего стал звонить начальнику, чтобы предупредить его о том, что опоздает, так как придется зайти в ветеринарную клинику. Коля и сам бы пошел к ветеринару, но пропускать важный диктант было бы глупо, тем более что оценка по русскому языку и без того вырисовывалась не самая высокая.

Делать было нечего, и мальчик отправился в школу чуть раньше обычного. Как назло, едва он вышел из подъезда, зарядил мелкий, противный осенний дождик, хотя, когда он только что выглядывал в окно, небо казалось чистым. Ходить с зонтиком Коля терпеть не мог, считая, что эта, в общем-то, полезная вещь подходит лишь солидным дяденькам и тетенькам, поэтому возвращаться он не стал и только надвинул поглубже шапку и поднял воротник куртки. Поднявшийся неведь откуда ветер дул прямо в лицо, принося с собой неприятные, холодные мелкие брызги и пожухлые листья. Мальчик ускорил шаг, но дождь, словно задавшись целью доставить прохожим максимум неприятностей, все усиливался и к концу пути превратился в настоящий ливень. Так что в здание школы Коля вбежал, уже совершенно промокнув, будто побывал в душе.

– Ты откуда такой мокрый? – удивился Миша. Он по утрам частенько отводил сестренку в детский сад, поэтому приходил едва ли не самый первый.

– А ты откуда такой сухой? – задал встречный вопрос Коля, снимая мокрую куртку и отряхиваясь, как пес после купания. – До дождя, что ли, успел?

Он выглянул в окно, но на улице уже светило яркое, хотя и холодное осеннее солнце, спешившее подсушить лужи на асфальте.

– Похоже, дождь для одного тебя шел, – рассмеялся Миша.

Действительно, входившие в школу ребята были совершенно сухие, и только несколько человек, живших в той же стороне, что и Коля, слегка промокли, однако значительно меньше, чем он.

– Терпеть не могу осень! – проворчал раздосадованный мальчик. – По мне, снег так снег, жара так жара, дождь так дождь. А тут не поймешь, то дождь, то солнце.

– Да ладно тебе! Ворчишь, как старый дед. Не с той ноги, что ли, встал?

– Джек заболел, – хмуро ответил Коля. Едва он услышал про ногу, как заныл вчерашний ушиб. – А тут еще этот дождь. И диктант...

– Ну, тогда понятно, – и Миша принялся расспрашивать о самочувствии собаки. Он немного завидовал приятелю, так как ему самому заводить большого четвероногого друга не разрешали ни под каким видом, а предложение купить маленькую, комнатную собачонку он с негодованием отверг. Миша был привязан к Джеку и иногда присоединялся к их с Колей прогулкам.

В школе в этот день все шло наперекосяк. В диктанте Коля умудрился наделать кучу ошибок, в чем убедился на перемене, расспросив Ирину, круглую отличницу с первого

класса, что следовало писать в тех случаях, которые вызывали у него сомнения и которых накопилось немало. Убедившись, что ему светит в лучшем случае тройка с минусом, мальчик стал надеяться, что неприятности на сегодня закончились. Но и на следующих уроках он отвечал невпопад и даже на любимой физкультуре умудрился растянуться, споткнувшись все той же несчастливой ногой. Радовало только одно: позвонив домой, он узнал, что ветеринар не нашел у Джека никаких болезней. Вот только почему тогда пес так странно к нему отнесся?

Наконец учебный день, казавшийся на этот раз нескончаемым, завершился. Коля, чье настроение по-прежнему оставляло желать лучшего, с отвращением натянул так и не успевшую высохнуть куртку и хотел уже выйти на улицу, как его остановил Миша.

– Ну что, камень идешь смотреть?

– Какой камень? – Коля сперва даже не понял, о чем речь, но тут же вспомнил вчерашнее намерение. – Ах этот!

Ему вдруг совсем расхотелось идти в старый городской парк. Он посмотрел на часы. До тренировки оставалось чуть больше часа. Можно было пойти пообедать, на чем всегда настаивала мама, убежденная, что человек, который не ест на обед горячий суп, неминуемо испортит желудок. Или же все-таки отправиться к камню и поглядеть, есть ли на нем надписи. После тренировки, в наступающих сумерках это уже было бы бессмысленно. Колю сегодня почему-то не привлекал ни один из этих вариантов, но что-то решать было надо. Уж лучше сходить за компанию с Мишкой в парк и поглядеть, что к чему, тем более что погода вроде бы наладилась.

– Пойду, – решил он.

– Ну тогда я с тобой, только ненадолго. Меня дома ждут, – предупредил Миша.

На улице Коля зачем-то еще раз подозрительно посмотрел на небо, не предвещавшее новой непогоды, и друзья зашагали в сторону парка. Миша, чье настроение было скорее приподнятым, постоянно подшучивал над приятелем и вспоминал различные истории о духах и привидениях. Коле сейчас это вовсе не казалось смешным, но виду он подавать не стал. Ему не хотелось выглядеть каким-нибудь нервным трусишкой, испугавшимся неизвестно чего. По мере приближения к парку воспоминания о вчерашнем происшествии становились все более явственными, и мальчик уже почти жалел, что отправился туда. Тем более что голод неожиданно дал о себе знать, а поесть, как он понимал, удастся теперь только вечером.

Ухоженная часть парка, с расчищенными дорожками, аккуратными клумбами, скамейками и детскими аттракционами выглядела успокаивающе. Сегодня здесь почему-то было более многолюдно, чем обычно; почти все лавочки были заняты мамами с колясками и бабушками и дедушками, пользующимися последними относительно теплыми деньками, чтобы вдоволь надышаться свежим воздухом, а на площадках резвилось множество дошколят и первоклашек.

Однако запущенный дальний конец, до которого еще не дошли руки у городских властей и который, если бы не пустые бутылки, банки, окурки, пакеты и прочий мусор, разбросанный тут и там, можно было бы принять за уголок леса, по контрасту казался еще более унылым и заброшенным, чем обычно. Тут можно было поверить не только в могильный камень, но и в какого-нибудь лешего, охраняющего свои владения. Сегодня здесь почему-то не было ни одной живой души: ни играющих ребят постарше, ни веселых компаний студентов, ни выпивающих втихаря граждан непрезентабельного вида, ни влюбленных парочек – словом, никого из тех, кто давно облюбовал это относительно укромное место почти в самом центре города. Если бы ребята пришли сюда для игры, как вчера, такое уединение их только порадовало бы, но сейчас немного не по себе стало даже Мише. Казалось, что в этом месте значительно темнее и холоднее, чем в других частях города, как будто вечер уже наступил.

– Ты помнишь, где именно вчера навернулся? – спросил Миша, почему-то понизив голос, словно боялся кого-то потревожить.

– Сейчас вспомню, – Коля в отличие от товарища говорил нарочито громко, чтобы как-то развеять гнетущую атмосферу и придать себе побольше уверенности. – Так, бежал я от тех елок в том направлении...

Ребята, шурша опавшими листьями, которые здесь, конечно, никто и не думал сгребать в кучи, направились по вчерашнему маршруту.

– Вроде где-то здесь, – сказал наконец Коля, остановившись на небольшой прогалине.

– Ну и где же твой камень? – поинтересовался Миша, внимательно оглядываясь по сторонам.

– Листьями, наверное, засыпало, – отозвался Коля и стал разгребать ногой листву. Его приятель последовал этому примеру, однако через пару минут обоим стало ясно, что никакого камня тут нет.

– Наверное, чуть дальше, – решил мальчик, однако и дальше камень обнаружить никак не удавалось.

– Может, ты все-таки не туда бежал? – спросил Миша после четверти часа безрезультатных поисков.

– Сюда. Ты же и сам здесь был, – ответил Коля. – Камень просто очень низкий. Не могли побольше поставить. Или он в землю ушел, только верхушка торчит.

– А я все-таки думаю, что это обычный булыжник.

– Надо было место отметить, – сказал Коля, уверенный, что камень был необычным, но не желая спорить впустую. Вот найдет камень, тогда и докажет, что был прав. – Так можно до ночи искать. – Он взглянул на часы, время тренировки приближалось.

– Тогда я домой пойду, – решил Миша. – Что-то я замерз уже.

Словно в подтверждение его слов налетел внезапный порыв холодного ветра, несший с собой тучу крохотных, но колючих снежинок или даже льдинок. Казалось, что первого снега в этот день не предвещало ничто, однако коварная осенняя погода дала о себе знать. Очевидно, ребята так увлеклись поисками, что не заметили надвигающуюся снеговую тучу, как-то уж слишком быстро появившуюся на практически чистом до этой минуты небе.

– Ого! Я точно домой! – воскликнул Миша, уворачиваясь от ветра. – Ты идешь?

– Я на тренировку! – ответил Коля.

Идти ребятам нужно было в разные стороны, поэтому они быстро разбежались в противоположных направлениях. Миша, бежавший по ветру, уже минуту спустя с облегчением заметил, что колючий снегопад прошел и теперь можно не слишком торопиться. Коле же повезло значительно меньше. Сильный ветер, несший с собой такие неприятные осадки, упрямо дул ему прямо в лицо с такой силой, что замедлял ход. Мальчику приходилось зажмуриваться и закрывать лицо рукой, но снежинки, тем не менее, больно кололи щеки и нос и, словно зловердные живые существа, норовили попасть в глаза.

Коля шагал, слегка согнувшись и периодически зажмуриваясь, как вдруг ударился обо что-то ногой. Это был вчерашний камень, который они с Мишей еще недавно так безуспешно разыскивали. Казалось совершенно удивительным, как они, проходя здесь совсем недавно, умудрились его проглядеть. Хорошо, что в этот раз мальчик шел не слишком быстро и удар получился несильным, однако нога вновь запульсировала болью. Тихо ругнувшись, Коля едва не поступил с камнем так же, как и вчера, но вовремя остановился, вспомнив, чем это закончилось в прошлый раз.

Он хотел остановиться и осмотреть камень, но, бросив взгляд на часы, понял, что и так уже почти опаздывает на тренировку. К тому же разглядеть сейчас что-либо казалось не легче, чем в сумерках. Ветер словно взбесился и как будто дул теперь по кругу, образуя что-то вроде маленького смерча с центром в районе камня, неся с собой помимо колючего снега

множество листьев. В какой-то момент мальчику даже почудилось, что листья и снежинки над камнем начинают уплотняться и приобретать очертания человеческой фигуры.

Коля убеждал сам себя, что нужно остаться и посмотреть, что будет дальше, чтобы раз и навсегда разобраться с этой чертовщиной, но нервы у него не выдержали, и он побежал прочь, благо на этот раз ничто не удерживало его на месте. Отбежав на порядочное расстояние, мальчик оглянулся и разглядел среди деревьев что-то похожее на небольшого снеговика, всего облепленного пожухлыми листьями. В другое время такая фигура вызвала бы у него только улыбку, но сейчас... Больше он не оглядывался до самого стадиона, куда прибежал грязный, мокрый и запыхавшийся.

Тренер Иван Аркадьевич, в далеком прошлом выступавший за сборную еще Советского Союза по легкой атлетике, а теперь мечтающий подготовить хотя бы одного спортсмена своего уровня, сурово отчитал Колю, на которого очень рассчитывал, за непрофессиональное отношение к делу, да еще накануне ответственных соревнований. Мальчику совершенно нечего было сказать в свое оправдание. Не признаваться же, в самом деле, что испугался снега и листьев! Переодеваясь в спортивную форму, Коля с удивлением отметил, что, как и утром в школе, другие ребята выглядят совершенно сухими, словно попали на стадион прямо из своих квартир. Только нескольких из них снегопад слегка задел около стадиона. Коля даже подумал, что погода в этот день как будто специально ополчилась на него. Но сейчас размышлять о природных аномалиях не было времени.

Тренировка начиналась как обычно: разминка, пробежка, подготовительные упражнения. Мальчик с удовлетворением отметил, что нога его совершенно не беспокоила. Значит, все обошлось. Наконец, дело дошло собственно до прыжков. Первую высоту, которую Иван Аркадьевич ставил обычно для разминки, Коля с легкостью брал уже больше года. Он даже говорил тренеру, что ему можно бы начинать и повыше, но тот во всем любил обстоятельность. Мальчик разбежался, добежал до перекладины, легко оттолкнулся, подпрыгнул... И вдруг понял, что умудрился сбить планку, совершив детскую ошибку, не перекинув вовремя ногу. Кто-то из ребят засмеялся. Коля, можно сказать, был звездой этой легкоатлетической секции, и такая оплошность вызвала веселье у кое-кого из начинающих.

– Ничего смешного! – строго сказал Иван Аркадьевич, оглядывая юных спортсменов. – Вот что бывает, когда переоцениваешь собственные силы и легкомысленно относишься к делу! Николай пришел поздно, не в форме, и вот вам результат! – Тренер любил иногда выдавать такие нравоучительные сентенции, которые ребята терпеть не могли. Уж лучше бы, в самом деле, ругался!

– Соberись и попробуй еще! – обратился он к Коле, и мальчику показалось, что сквозь пышные седые усы Ивана Аркадьевича проглядывает улыбка. Похоже, тренер был даже доволен, что спортсмен был наказан за самоуверенность, но это случилось не на соревнованиях, а на тренировке, когда все еще можно поправить.

На этот раз Коля подошел к прыжку со всей серьезностью, как будто собирался штурмовать рекордную для себя высоту. Тщательно прикинув расстояние, с которого удобнее начинать разбег, он представил себе предстоящий прыжок во всех деталях и только после этого приступил к выполнению упражнения. На этот раз все получилось еще хуже. До прыжка дело даже не дошло. Не добежав до перекладины, мальчик растянулся на дорожке, словно кто-то подставил ему подножку.

– Соberись, Николай! – воскликнул Иван Аркадьевич, всплеснув руками от огорчения. – С таким отношением к делу на юношеском первенстве делать нечего! Сядь, приди в себя, пусть пока другие попробуют. Костя, давай! – обратился он уже к следующему прыгуну.

Ребята один за другим взяли тренировочную высоту. К Колиному стыду, никто из них не допустил ошибки, никому не понадобился повторный прыжок. Не то чтобы он желал

кому-то неудачи, но ощущать, что ты сегодня хуже всех, тем более, когда привык быть лучшим, было очень неприятно.

– Николай, настроился? – спросил тренер, и, дождавшись Колиного кивка, скомандовал: – Давай, и переходим на следующую высоту!

Коля снова тщательно приготовился к прыжку, с недовольством почувствовав, что ставшая уже привычной уверенность куда-то пропала. Зато спортивная злость разгорелась не на шутку. Он представил себе, как перелетает над планкой с большим запасом, продемонстрировав, кто здесь лучший легкоатлет, и пружинистым, постепенно ускоряющимся шагом начал разбег. Уже в процессе бега ему показалось, что что-то идет не так, но, не желая останавливаться и начинать заново, давая новый повод для смеха и шуток, продолжил движение. Только начав прыжок, мальчик понял, в чем было дело. Обувь на многострадальной ноге просто развязалась и свалилась в полете. Сделав рефлексное движение, чтобы сохранить ее на ноге, Коля снова сбил планку и приземлился вместе с ней и кроссовкой, описавшей живописную дугу в воздухе и угодившей к тому же ему по голове. На этот раз от улыбки не удержался даже Иван Аркадьевич, но тут же придал лицу суровое выражение.

– Ты трижды не взял высоту и, если бы это были соревнования, уже выбыл бы из них с баранкой! – сердито заявил он. – Не проследить за экипировкой в решающий момент – это вопиющий непрофессионализм! – Тренер собрался с мыслями и добавил: – Сегодня ты будешь выполнять беговые упражнения, а остальные продолжают прыжки.

Иван Аркадьевич знал, что Коле нужно готовиться к юношескому чемпионату, где именно на него возлагались самые большие надежды, но решил, что такая воспитательная мера будет полезнее еще одной тренировки. Он считал, что с техникой у юного прыгуна все в порядке, а все проблемы идут от психологии или, попросту говоря, от зазнайства. В результате Коля, пока другие прыгали, в одиночку наматывал круги по стадиону, чуть не плача от досады. Ему вдруг вспомнились слова про «горький плач», и от этого ощущение обиды нахлынуло с новой силой.

Когда тренировка, казавшаяся на этот раз нескончаемой, наконец завершилась, Коля быстро переоделся, постаравшись успеть сделать это раньше товарищей по секции, чтобы не выслушивать их подначки, и почти что выбежал на улицу. Недовольство собой и этим неудачным днем, а также усилившееся чувство голода заставляли идти домой как можно быстрее.

Мальчик пытался собраться с мыслями и не замечал почти ничего вокруг, как вдруг почувствовал довольно неприятный удар по голове, словно в него запустили снежком. Он огляделся по сторонам, чтобы понять, что это было, и в случае чего разобраться с обидчиком, и вдруг получил новый удар, а за ним еще и еще... Не прошло и нескольких секунд, как вокруг забарабанили по асфальту огромные градины размером с крупный виноград. Прохожие разбежались во все стороны, стараясь скрыться от внезапной непогоды в каком-нибудь подъезде и прикрывая головы сумками, портфелями и всем, что было в руках.

Оценив расстояние до дома, Коля, прикрыв голову сумкой со спортивной формой, помчался вперед. Прятаться, находясь от дома в пяти минутах ходьбы, казалось глупым. Однако вскоре, получив немало ощутимых ударов по разным частям тела, он уже усомнился в правильности своего решения, продолжая, однако, следовать ему из какого-то непонятного упрямства. Уж очень разозлила его сегодняшняя погода своими резкими переменами, как будто подготовленными специально для него. Около дома он слегка замешкался, доставая ключ от подъезда, и за полминуты поисков увидел, как припаркованные рядом машины получили от градин ощутимый урон. Наконец дверь была открыта, и мальчик с облегчением скрылся в подъезде. Несколько секунд он прислушивался к раздававшимся с улицы ударам, но затем все смолкло. Выглянув из любопытства, Коля с удивлением убедился, что град закончился, и только быстро тающие на асфальте градины и разбитое стекло соседского

автомобиля, чья сигнализация отчаянно верещала, словно жалуясь на свою беду и вызывая о помощи, напоминали о недавнем катаклизме.

Легко взбежав на второй этаж (какая-никакая, но тоже тренировка), мальчик открыл дверь квартиры, бросил в угол сумку и позвал Джека. Он подумал, что раз град кончился, неплохо бы выгулять пса до того, как засесть за уроки. К тому же по сегодняшней погоде никто – ни синоптик, ни гадалка – не смогли бы предсказать, когда ждать следующих осадков.

Джек, выбежавший было навстречу с радостным повизгиванием, вдруг остановился в паре метров от хозяина, точно наткнулся на какую-то невидимую стену, и жалобно заскулил. Удивленный и расстроенный, Коля присел на корточки и принялся разговаривать с собакой успокаивающим тоном. Джек смотрел на него большими, влажными и, как казалось, тоскливыми и понимающими глазами, но ближе подойти никак не решался.

Убедившись в бесплодности своих попыток, Коля, чье настроение было безнадежно испорчено, наскоро умывшись и перекусив, засел за домашнее задание. Время от времени он поглядывал на пса, который улегся у двери и не сводил с хозяина грустного взгляда. Джек как будто его охранял, и мальчик, спустя некоторое время, стал испытывать от этого постепенно нарастающее беспокойство. Ему вдруг стало казаться, что собака караулит кого-то или что-то неспроста. В голову вместо уроков полезли мысли о вчерашнем загадочном происшествии и сегодняшних невзгодах.

Чтобы прийти в себя, мальчик решил освежиться, вдохнув немного свежего воздуха. Он поднялся с места, повернул оконную ручку, и в этот момент сильнейший порыв ветра резко распахнул окно. Не готовый к такому повороту событий, Коля получил довольно ощутимый удар оконной рамой, не удержался на ногах и растянулся на полу. Другая половина оконной рамы с такой силой ударилась о стену, что стекло раскололось на несколько неравных частей причудливой формы. Одна из них, не удержавшись на месте, вонзилась в пол точно между пальцами Колиной левой руки. У мальчика, видевшего полет осколка как будто в замедленной съемке, внутри все похолодело: упали он на сантиметр левее или правее, Коля неминуемо остался бы без пальца.

Ветер загулял по комнате, он разметал листы бумаги, как осенние листья, и перевернул страницы тетрадей и учебника, словно собирался сделать домашнее задание за мальчика. Все это сопровождалось оглушительным лаем и рычанием Джека, подбежавшего к окну и как будто ожидавшего, что именно оттуда в дом может ворваться злоумышленник.

Коля поднялся на ноги и, преодолевая сопротивление ветра, достигшего почти что ураганной силы, добрался до окна и закрыл уцелевшую его часть. Он затворил и вторую, хотя толку от нее теперь было совсем немного. Рассудив, что с окном надо что-то делать, мальчик бегом направился в кладовку, где лежали отцовские инструменты и где, как он помнил, были какие-то листы фанеры. Найдя их на месте и прихватив с собой молоток и гвозди, Коля вернулся в комнату, где утихший было ветер загулял с новой силой.

Подойти к окну с большим листом фанеры, преодолевая его сопротивление, оказалось задачей архисложной. Мальчику сразу вспомнились книги о морских приключениях прошлых веков, в которых парусным судам приходилось идти наперекор стихии. Насколько он помнил Жюль Верна и других авторов, в этом случае следовало убрать паруса, но вся проблема состояла в том, что фанеру, выполнявшую сейчас роль паруса, сложить было невозможно. Догадавшись, правда не сразу, повернуть ее торцом к окну, Коля двинулся по направлению к цели. Дойдя до окна, он остановился. Фанерный лист следовало повернуть и прибить к раме, но ветер едва ли позволил бы провести эту нехитрую при нормальных условиях операцию.

Пока мальчик соображал, как ему поступить, входная дверь отворилась. Ветер как будто подкарауливал этот момент сквозняка. Задув со всей мощью, он оторвал Колю от пола

и понес на листе фанеры через комнату, словно Хоттабыча на ковре-самолете. Неудачливый пилот перевернулся в воздухе и упал на спину. Такое падение могло закончиться серьезной травмой, но его смягчило что-то мягкое. Мгновение спустя мальчик понял, что слегка придавил Джека. Тот был крупной и выносливой собакой, но, естественно, удар принес ему ощутимую боль. Горестно завизжав, пес выскочил из комнаты, но, к счастью, достаточно бодро, чтобы исключить вариант перелома или чего-то похуже.

Вбежавший в комнату папа застал картину полного разгрома. Ветер с его появлением слегка приутих, как нашкодивший школьник при появлении взрослых.

– Так, держи молоток и гвозди, – скомандовал отец, оценив обстановку и решив отложить разбирательство до устранения причины.

Взяв фанерный лист и прикинув его размеры, он потребовал принести пилу и рулетку. Работа закипела, и уже спустя минут десять зияющая дыра на месте стекла была заделана. После того, как были выброшены осколки и водружены на место предметы, сорванные ветром, папа потребовал рассказать, что же здесь, собственно, произошло. Против ожидания он даже не слишком сердился на сына, успев оценить силу ветра, едва не сбившего его с ног на подходе к комнате.

Объяснившись с родителем, который, оценив Колино состояние, махнул рукой и решил погулять с Джеком сам, тем более что нежелание пса подходить к хозяину он объяснил недавним падением на него, мальчик отправился в душ. И грудь, и спина слегка ныли, но серьезных синяков на теле не оказалось, так что Коля решил, что отделался, так сказать, легким испугом. А вот пятно на ноге слегка разрослось и приобрело коричневатый оттенок. Кроме того, оно как будто стало походить на единицу. Решив, что это вызвано новым столкновением со злосчастным камнем, мальчик вытерся, оделся и вышел из ванной. Он чувствовал себя очень уставшим и мечтал только о том, чтобы поскорее завалиться спать, но недоделанное домашнее задание звало к письменному столу.

День второй

На следующее утро Коля снова поднялся с постели с большим трудом. Все мышцы после вчерашней борьбы с непогодой немилосердно ныли, как в те далекие времена, когда он только начинал заниматься спортом. К тому же прогулки под дождем и снегом не прошли даром; начинался насморк, и горло немного болело. Накануне ответственных соревнований простуда была совсем ни к чему. Поэтому после завтрака мальчик принял ударную дозу витамина С и тщательно прополоскал горло.

Решив перестраховаться, он оделся потеплее и позвал Джека. Пес, как и накануне, не выказывал никакого желания отправиться на столь любимую обычно прогулку. Такие капризы уже несколько надоели Коле; ведь ветеринар сказал, что с его питомцем все в порядке. Поэтому мальчик решительно пристегнул поводок к ошейнику поскуливавшего животного и потащил его, слегка упиравшегося, за дверь. Поняв, что прогулки не избежать, Джек смирился со своей участью, но, едва они вышли из подъезда, отбежал настолько далеко, как только позволял поводок, словно стараясь держаться от хозяина подальше. Так что прогулка вышла совсем невеселой и короткой. Слегка обиженный таким поведением пса, Коля быстро отвел его домой и отправился в школу пораньше.

Памятуя о вчерашних катаклизмах, он то и дело подозрительно поглядывал на небо, но оно оставалось ясным, явно не собираясь насыпать на прохожих ни снег, ни дождь, ни град, да и ветер оставался очень умеренным. Коля, привыкший ходить быстрым спортивным шагом, даже немного запарился в своей утепленной одежде, пока дошел до школьного здания.

Сбросив сумку на парту в еще пустом классе и повесив другую, со спортивной одеждой, на стул, мальчик отошел на пару минут. Когда он вернулся, в комнате уже находились несколько ребят, а его сумка валялась на полу раскрытой. Из нее выглядывали тетради и учебники, а карандаш и вовсе докатился до самой доски.

– Ну, кому здесь жить надоело?! – воскликнул рассердившийся Коля. – Хоть бы подняли и на место положили.

Он оглядел одноклассников, но среди четверых, находившихся сейчас в классе вместе с ним, трое были девочками, а четвертый – Виталик, «ботаник», который едва ли отважился бы так поступить с вещами главного классного спортсмена. Предположить, что кто-то из них устроил этот маленький разгром, казалось крайне нелепым.

– Здесь все так и было, а я первая пришла, – ответила за всех Света, его соседка по дому.

– Сам же все и свалил. Аккуратнее надо, Коленька. А то и допрыгаться можешь, – подхватила Люда, отличавшаяся вредностью и острым языком. Ее подруги прыснули, а Виталик, уткнувшись в книгу, прятал улыбку.

– Девочки, ну нельзя же так с будущим чемпионом! – подхватила Аня. – Он же обидится и как прыгнет!

– Сейчас у меня кто-то допрыгается, – проворчал Коля, собирая вещи и оставляя только учебник физики, тетрадь и ручку с карандашом, то есть то, что требовалось для первого урока. Почему-то этот ерундовый инцидент окончательно испортил его и без того неважное настроение.

Вскоре в класс вошел Миша, которому Коля рассказал о вчерашнем происшествии. Затем ребята переключились на Джека и проговорили так до самого начала урока. Так что Коля вскоре забыл о сброшенных вещах.

Физик, Геннадий Иванович, он же Крокодил Гена, имел обыкновение начинать урок с выборочной проверки домашнего задания у нескольких учеников. Коля, которому папа вчера долго растолковывал решение непростой задачи, на этот раз даже хотел, чтобы физик выбрал

его. Он действительно разобрался с решением, так что пятерка казалась гарантированной, а с ней становилась вполне достижимой и аналогичная четвертная отметка.

Все произошло по Колиному желанию. Геннадий Иванович вызвал его к доске рассказать решение, а сам стал просматривать тетради. Выполнив чертеж и написав необходимые формулы, Коля повернулся к классу, готовый объяснить решение, как вдруг увидел, что учитель, стоя у его парты и глядя в его тетрадь, постепенно багровеет. Геннадий Иванович был, в общем-то, человеком добрым, но на редкость вспыльчивым. Зная эти его качества, школьники даже не обижались, когда он на кого-нибудь кричал. Особенно его почему-то задевал любой намек на прозвище, которое, если подумать, вовсе не было обидным и являлось исключительно следствием его имени. Но на этот раз, судя по выражению его лица, намечалась какая-то грандиозная, из ряда вон выходящая вспышка гнева. Видя это, все ребята притихли и замерли, чтобы, как говорится, не попасть под раздачу, а Коля гадал, что же такое физик мог обнаружить в его тетради.

Наконец Геннадий Иванович обрел способность говорить. Или, вернее сказать, орать. Такой бури ребята не наблюдали еще никогда. Он кричал что-то о распустившихся наглецах, о спортсменах, у которых «сила есть – ума не надо», о художниках-недоучках, об «ослоумцах», пока, не справившись с эмоциями, не швырнул тетрадь на пол и не выбежал из класса.

– Ну, ты чего, совсем с головой не дружишь? – спросила Света, посмотрев в тетрадь и, повернувшись к Коле, выразительно постучала пальцем по лбу.

Ребята столпились вокруг.

– Ну ты даешь! – слышались удивленные возгласы.

– А что я? – Коля с трудом протолкался к собственному месту и замер. Лист с решением задачи был крайне неаккуратно вырван, а на свободном месте красовался неумело нарисованный, но вполне узнаваемый крокодил Гена. Подпись под ним гласила, что это «ГЕНИальный физик».

– Так это же не я! Это не мое! – воскликнул мальчик. – Это кто-то другой!

– Ага, рассказывай!

– Это кто же? – судя по всему, одноклассники не слишком поверили этому неубедительному объяснению.

Торопливо вырвав лист со злополучной карикатурой, Коля выбежал из класса вслед за учителем. Тот уже возвращался назад. Лицо его, принявшее почти нормальный оттенок, блестело. Очевидно, чтобы успокоиться, он умылся холодной водой.

– Геннадий Иванович! Это не я! У меня там была решенная задача. Как на доске, – оправдывался Коля. – Я...

– Вернись в класс, – медленно, слегка дрожащим голосом произнес физик, который, очевидно, с трудом держал себя в руках.

Когда учитель и ученик вошли в класс, ребята моментально расселись по местам. Снова установилась напряженная тишина.

– Рассказывай решение задачи, – тихо сказал Геннадий Иванович и опустил на стул. Он казался совсем обессиленным и каким-то постаревшим, отчего Коле, хотя он и не был ни в чем виноват, вдруг сделалось очень стыдно.

Краснея и запинаясь, мальчик быстро изложил решение. Он думал совсем о другом, но подготовился на сей раз настолько хорошо, что ни разу не ошибся. Коля ждал дополнительных вопросов, которые обычно следовали после задачи, но Геннадий Иванович только устало махнул рукой.

– Получи свою пятерку, – произнес он тоном, в котором Коле слышалась укоризна, а то и презрение, и приступил к изложению новой темы.

– Ну, повезло тебе с Геннадием! – воскликнул Миша, когда ребята вышли из класса. – Другой бы не только пару влепил... – он слегка задумался, представляя возможные последствия со стороны более сурового преподавателя.

– С Геннадием-то повезло, но хотел бы я найти ту скотину, которая все это подстроила, – сердито проговорил Коля. – Эй, Свет, а в классе точно никого до тебя не было? – обратился он к проходившей мимо однокласснице.

– Если не считать невидимки и того, кто сидел под столом, никого, – ответила она, и мальчик подумал, что попытки шутить превращаются у его одноклассниц в своего рода болезнь.

Перейдя в другой кабинет, Коля устроил тщательную ревизию содержимого сумки. Результаты оказались неутешительными. Кто-то успел основательно поиздеваться над его учебниками и тетрадями, причем выходка с физикой по сравнению с остальными казалась мелкой невинной шалостью. Некоторые рисунки и надписи в них казались действительно оскорбительными и откровенно хулиганскими. Так запросто можно было испортить отношения со всем преподавательским составом. Мальчик недоумевал, кто и, главное, почему решил подстроить ему такую гадость.

Наскоро устранив последствия работы злого шутника, Коля, пока еще оставалось время до литературы, решил позвонить домой и узнать, все ли нормально с Джеком. Странное поведение собаки никак не давало ему покоя. Папа же сегодня опять должен был остаться дома; он ждал рабочих, которые будут вставлять новое стекло. Не найдя мобильного на привычном месте, он начал рыться в сумке, затем вытряхнул все ее содержимое, но телефон так и не обнаружил.

– Может, он в кабинете физики остался, когда твоя сумка упала? – предположил Миша.

Коля вернулся назад, под неодобрительным взглядом Геннадия Ивановича осмотрел пол, но телефон так и не нашел. Очевидно, аппарат украл. Не зная, что делать, мальчик обратился к Маргарите Александровне, учительнице литературы и одновременно завучу. Спустя некоторое время, потребовавшееся на повторные поиски и опрос одноклассников, а также на звонок домой, дабы удостовериться, что Коля не забыл мобильник там, стало ясно, что, к большому неудовольствию школьной администрации, придется обратиться в полицию. Скучающий полицейский, который всем своим видом давал понять, что телефон уже не найти, лениво записал данные и, пообещав сообщить о результатах, отправился восвояси.

Все эти процедуры заняли немало времени, так что оставшиеся занятия Коля пропустил. Когда он освободился, шел уже последний урок, и мальчика отпустили домой. Пообедав, немного отдохнув и выслушав нотацию о том, что нужно следить за своими вещами, он направился на тренировку. Сегодня Коля горел желанием доказать, что вчерашние спортивные неудачи были просто чередой случайностей.

Появившись на стадионе заранее, он собрался было не спеша облачиться в спортивную форму, но едва достав ее, издал разъяренный вопль, сопроводив его несколькими крепкими выражениями. Иван Аркадьевич, не терпевший, когда его подопечные нарушают режим (а сквернословие он также относил к нарушениям), вбежал в раздевалку, готовый отчитать провинившегося, но, увидев состояние Колиной спортивной формы, сам едва удержался от крепкого словца. Одежда была разрезана вдоль и поперек, как будто над ней потрудился буйнопомешанный с опасной бритвой в руках. Кроссовки же, над которыми поработали особо, больше напоминали теперь пляжные шлепанцы. Дело в том, что в школе Коля, наскоро убедившись в том, что одежда не украдена, не стал ее доставать и разглядывать и теперь пожинал плоды своей невнимательности.

– Да, крепко ты кому-то в школе насолил, – задумчиво произнес Иван Аркадьевич, покусывая усы, когда мальчик рассказал ему об утреннем происшествии. – Сейчас я тебе что-нибудь подберу, а потом с формой придется что-то решать.

Тренер, сверившись с размером, куда-то отошел и вскоре вернулся с комплектом поношенной формы и выдавшими виды кроссовками. Если одежда пришлась мальчику вполне впору, то обувь оставляла желать лучшего. Ногам в ней было не слишком уютно, особенно толчковой, той самой, которой он позавчера ударился о камень. Но выбирать не приходилось.

Начало тренировки прошло нормально, но вот с основной ее частью, прыжками, что-то опять не заладилось. Коля то недоступал до планки, то поскальзывался – словом, вел себя как новичок. От недавней легкости и уверенности в себе не осталось и следа. К тому же правая нога стала побаливать, и мальчику показалось, что он ее начинает натирать. Сообщив об этом расстроенному проблемами главной спортивной надежды тренеру, Коля покинул тренировку раньше времени.

Выйдя со стадиона и не спеша бредя по улице, он пытался понять, кто и зачем ему напакостил исподтишка, но никаких разумных версий в голову не приходило. Конечно, ему случалось конфликтовать с разными людьми, но назвать кого-то из них своим настоящим врагом он не мог. Для злого же розыгрыша последствия были чересчур серьезны: на кражу телефона плюс порчу недешевой формы мог пойти только ненавидящий его человек или какой-нибудь псих. Мальчик вдруг опять вспомнил услышанное у камня. Кажется, там что-то говорилось о врагах, причем, если ему не изменяла память, именно во второй день. Совпадение, конечно, но все равно неприятно.

И тут Коля решил, что раз уж с тренировки он ушел раньше и на улице пока что светло, стоит еще раз сходить к этому камню, чтобы разглядеть его как следует. Круто развернувшись, он быстро направился в сторону парка.

На этот раз долго искать загадочный камень не пришлось. То ли мальчик теперь хорошо запомнил дорогу, то ли вчерашний ветер разметал все листья, только виновника своего падения Коля увидел издалека. Он резко сбавил шаги, подходя к камню медленно, едва ли не с почтением, словно действительно находился на кладбище и шел к надгробной плите какого-то уважаемого человека. Не хватало только пары гвоздик в руке.

Но подойти к камню в этот день мальчику оказалось не суждено. Когда до него оставалось метров шесть-семь, Коле показалось, будто он слышит какое-то рычание. Он принялся напряженно вглядываться в камень. В памяти со всей четкостью воскресли позавчерашние события, и мальчик уже ожидал их повторения. Ему даже почудилось, что над камнем сгущается некое подобие тумана...

Но рассмотреть, что же творится с камнем, Коле не удалось. Рычание, на этот раз очень явственное, прозвучало прямо у него за спиной. Мальчик обернулся. В нескольких шагах от него стоял пес, размерами даже немного превосходящий немого Джека, и явно не выказывал никаких признаков дружелюбия. С первого взгляда было ясно, что собака бродячая и, скорее всего, голодная. Из приоткрытого рта хищника обильно капала слюна, и Коле вспомнилось, что он где-то слышал об этом, как об одном из признаков бешенства.

Мальчик, стараясь не поворачиваться к собаке спиной, стал пятиться назад, пытаясь успокоить животное ласковыми словами. Но уговоры на пса не действовали: Коля ему явно не нравился, и он не собирался этого скрывать. Мальчику подумалось, что пес, конечно, довольно велик, но, если он не бешеный и ему нечего здесь охранять, вряд ли станет нападать в одиночку. Не успел он испытать некоторое облегчение от этой успокоительной мысли, как из кустов с рычанием выбежала еще одна собака, а за ней еще и еще...

Встреча со стаей бродячих голодных собак была уже действительно опасной. Мальчик слышал о жутких случаях, когда уличные псы, объединившись в стаи, калечили или даже загрызали насмерть одиноких прохожих. Правда, в их городе настолько серьезных происшествий вроде бы не случалось, и все ограничивалось укусами, однако чем черт не шутит. Особенно если учесть, как ему «везет» в последнее время. Поэтому Коля, попятившись еще несколько шагов и удостоверившись, что стая не собирается упускать потенциальную

добычу, развернулся и со всех ног бросился наутек. Мальчик знал, что убежать от собак очень непросто, но не зря же он занимался легкой атлетикой!

Коля бежал, не оглядываясь, и бешеный лай за его спиной давал понять, что преследователи не отстают. Только бы не упасть! Только бы не споткнуться! Парк не так уж велик. Еще немного, и он добежит до улиц, до людей. И тогда уж собаки не посмеют сунуться за ним. А если посмеют – им же хуже. Первый же полицейский пристрелит их, как... как собак!

Утешая себя этими мыслями, Коля едва не натолкнулся на группу молодых людей, собравшихся в заброшенной части парка то ли для того, чтобы попить пива, то ли просто пообщаться в тихом месте.

– Помогите! За мной гонятся... Собаки! – задыхаясь, произнес он. Коля остановился, обернулся назад и обнаружил, что никаких собак за его спиной нет. Более того, он не слышал ни лая, ни рычания, ни каких-либо других «хищных» звуков.

– Слыхал, собаки! – хриплым голосом произнес один из компании и почему-то заржал. Двое других рассмеялись следом за ним. Впрочем, смехом этот пьяный гогот было назвать трудно.

Теперь, убедившись, что собаки ему не угрожают, мальчик смог рассмотреть людей, у которых просил помощи. И увиденное его не обрадовало. Кто опаснее, они или бродячие псы, кто является меньшим из двух зол, было, как говорится, делом вкуса. Бритые головы, дебилские лица с нехорошими ухмылками, татуированные руки, бутылки с алкоголем – все это неизбежно наводило на мысль даже не о простой уличной шпане, а о настоящих уголовниках.

Коля попытался дать стрекача, ибо встреченные им гопники хотя и выглядели довольно накачанными, неизбежно уступили бы ему в беге на любую дистанцию, но это намерение ему осуществить не удалось. Самый здоровый из шайки успел ухватить мальчика за воротник.

– Куда?! Ты сам к нам пришел! – издевательски проговорил он, присовокупив к сказанному грубое ругательство, и почему-то снова заржал.

– Уже поздно... Собаки ушли... Мне, наверное, пора... – запинаясь, лепетал испуганный Коля.

– А куда тебе спешить? – поинтересовался самый маленький из встреченной компании и смачно сплюнул. На его лице красовался большой шрам, придававший ему совсем уж злое выражение.

– Домой! – почти прошептал мальчик. Он хотел говорить уверенно и спокойно, но голос не слушался и выдавал его состояние.

– Слышь, пацан! Мы тебя спасли? Спасли! – вступил в разговор третий негодяй. – Значит, надо платить!

– А ты как думал!

– А то!

Уголовники подошли вплотную, обступив мальчика со всех сторон. Тот и рад был бы откупиться от них, но, кроме испорченной формы, у него не было с собой ничего, даже мобильного. Обычно он носил в кармане какую-нибудь мелочь, но, сменив утром куртку на более теплую, он забыл переложить в нее деньги.

– У меня ничего нет! – отчаянно воскликнул он.

– Щас проверим! – грубые руки прошлись по карманам. – Слышь, в натуре ничего нет!

– Ну, снимай куртку! – предводитель вытащил невесть откуда длинный нож и принялся им небрежно поигрывать, словно это была авторучка, ложка или еще какой-нибудь столь же невинный предмет. – И ботинки.

– И портки! – заржал грабитель, выглядевший самым пьяным из всех.

Коля как зачарованный глядя на блестящее лезвие, чуть не плача от страха и унижения, принялся расстегивать кнопки. Он мечтал теперь не о том, чтобы сбежать, а о том, чтобы дело кончилось только грабежом, без более серьезных последствий. Гопники, особенно двое из них, выглядели явно неадекватно, и ожидать от них можно было чего угодно. Дрожащие пальцы слушались плохо, и дело шло медленно.

– Шевелись...! – он получил сильный тычок под ребро, от которого перехватило дыхание, а перед глазами заплясали блестящие мушки.

Где-то вдалеке послышался собачий лай. Мальчик вдруг подумал, как было бы здорово, если бы невесть куда запропастившиеся бродячие псы сцепились с уголовниками, и обе стороны нанесли друг другу как можно больше вреда. Впрочем, на сей раз лаяла одна собака, причем тембр ее голоса показался ужасно знакомым.

– Джек! – радостно выкрикнул Коля.

В тот же миг верный пес буквально вылетел из-за кустов и с разбегу набросился на одного из грабителей, сбив его с ног и явно намереваясь вцепиться в плотку. Двое из его товарищей трусливо попятнулись, однако предводитель, сохранив присутствие духа, взмахнул ножом и... В последний момент Коля успел повиснуть на руке с оружием и отвести удар.

– Щенок! – прорычал главарь, стряхивая мальчишку с руки и вновь заноса оружие. – Ну, что встали...! – добавил он, обращаясь уже к подельникам.

– Джек, домой! – закричал мальчик. Он понял, что пока бандиты в замешательстве, есть шанс покинуть поле неравного боя невредимыми.

Псу очень не хотелось отпускать негодяя, однако он был послушной собакой, поэтому скатился с удерживаемого им преступника. Это случилось очень вовремя, потому что нож главаря опустился туда, где еще недавно была спина собаки, но вместо нее слегка полоснул грабителя, только что освободившегося от хватки Джека. Тот взвыл дурным голосом, а Коля и Джек уже со всех ног бежали прочь. Грабители предпочли не гнаться за ними, решив, что связываться с такой собакой – себе дороже, и ограничились угрозами и проклятиями вслед.

Когда парк остался позади и мальчик с собакой выбежали на прилегающую к нему улицу, где только что зажглись фонари, Коля очень захотел поблагодарить своего спасителя. Однако Джек, глядя на мальчика печальными глазами, отбежал в сторону и следовал за ним на почтительном расстоянии.

– Джек с тобой! – радостно воскликнули отец и мать, едва Коля с собакой появились на пороге. – Не знаю, что с ним случилось. В первый раз такое вижу. Взял и куда-то помчался, – пояснил папа.

– Выбежал, едва я открыла дверь, – добавила мама. – Он что, тебя разыскивал?

– Да. На меня хулиганы напали, – ответил Коля и вкратце пересказал случившееся, опуская неприятные и пугающие подробности.

– И Джек тебя услышал? С такого расстояния? – удивился отец после того, как они с женой убедились, что с сыном все в порядке, и решили, что в полицию звонить уже поздно.

– Не знаю, – развел руками Коля. О том, что он и не думал звать Джека, мальчик предпочел не упоминать.

– Да, звонила Маргарита Александровна, – вспомнила мама, когда волнения немного улеглись. – Твой телефон нашли.

– Где?

– В школьном туалете. Только кто-то его разбил вдребезги.

– Вот те раз! – растерянно проговорил мальчик. – А мне еще форму испортили...

Вечер они провели, всей семьей пытаясь найти объяснение и феноменальному чутью Джека, и личности и действиям тайного Колиного недоброжелателя, но так и не смогли прийти ни к каким разумным выводам. Уже засыпая, мальчик еще раз вспомнил слышанное проклятие о врагах, и никак не мог вспомнить, что же говорилось об испытаниях третьего

дня. Не то чтобы он поверил услышанному у камня, то ли наяву, то ли в бессознательном состоянии, но ему вдруг стало казаться, что эти совпадения произошли не просто так...

День третий

Новый день начался для Коли с холодного душа. В буквальном смысле. Мальчик после плохо проведенной ночи, сопровождавшейся дурными снами, проснулся весь в поту и отправился в душ. Но едва он встал под струи освежающей влаги, подача горячей воды ни с того ни с сего прекратилась. Пришлось смывать мыльную пену ледяной водой, стуча зубами от холода. Коля не раз думал о том, что хорошо бы начинать закаливание, и даже один раз пробовал это делать (впрочем, тогда его энтузиазма хватило лишь на неделю), но переходить к ледяной воде следовало постепенно. Сейчас же он был явно не готов к подобному испытанию.

Хорошенько растеревшись полотенцем и мимоходом отметив, что пятно на ноге не только не исчезло, но как будто даже сделалось больше и темнее и теперь по форме скорее напоминало тройку, мальчик тут же направился на кухню. После холодного душа очень хотелось согреться горячей пищей или чаем. Он крикнул папе, отправившемуся в ванную следом за ним, что теплую воду отключили, и налил себе горячего чая.

– Что это за шутки про воду? – поинтересовался отец, выходя из ванной комнаты несколько минут спустя.

– Какие шутки? – не понял Коля, уже успевший немного согреться и теперь приступивший к нормальному завтраку.

– Что воды нет?

– А что, есть? – неподдельно изумился мальчик. – Только что не было.

– Сам посмотри, – ответил папа, внимательно глядя на сына, в последнее время казавшегося ему каким-то странным. – Или ее только для тебя отключали?

– Наверное... – невесело усмехнулся Коля, подумавший вдруг о том, что вот уже несколько дней многие неприятные вещи как будто действительно случаются исключительно ради того, чтобы досадить ему. Он прошел в ванную, убедился, что вода течет совершенно нормальная, и внезапно вспомнил, что в пророчестве, или скорее проклятии, что-то говорилось про «холодную пучину вод». От этой мысли мальчик вздрогнул не хуже, чем от ледяного душа. Получалось так, что пророчество исполняется: сначала природа, потом враги, а теперь вот вода... Но, с другой стороны, холодный душ был таким пустяком на фоне всего остального, что можно было и потерпеть. Вот только финальную часть пророчества сложно было истолковать в благоприятном смысле и понадеяться на то, что дело ограничится мелкой неприятностью.

Разругав себя за то, что поддается панике, опираясь на какие-то фантазии или галлюцинации, мальчик быстро собрался, чтобы отправиться в школу. Отец вновь решил выгулять Джека, который вроде бы захандрил, и Коля даже ощутил нечто вроде ревности. На вчерашнем семейном совете он был поставлен перед выбором: купить в первую очередь новую спортивную форму или новый телефон; обе покупки одновременно нанесли бы слишком большой удар по семейному бюджету. И Коля без колебаний выбрал первое. Все-таки форма нужна для дела, а телефон, по сути, безделушка. Но сейчас ему вдруг сразу захотелось сделать несколько звонков, и он почувствовал нарастающую обиду на вчерашнего злоумышленника. Никому об этом не рассказывая, мальчик задумал устроить своему врагу ловушку, оставив вещи якобы без присмотра, но на деле наблюдая за ними.

От размышлений Колю оторвала водяная бомбочка, сброшенная с одного из балконов Мишкиного дома, мимо которого он как раз проходил, и угодившая прямо в него. Бомбочка, по счастью, оказалась небольшой, но вылившаяся из нее на мальчика вода, особенно учитывая довольно морозное утро, доставила немало неприятных ощущений. И очень рассердила Колю, которого неприятности последних дней успели так вывести из себя, что каждая

новая, пусть и незначительная, вызывала сильные чувства гнева и обиды и желание то ли немедленно расправиться с обидчиком, то ли разреваться. Последнее он ни за что бы себе не простил. Конечно, в свое время он и сам несколько раз баловался с подобными снарядами, но несмотря на все искушение никогда не кидал их в прохожих.

Подняв голову и громко высказав все, что думает о бомбометателе, мальчик понял, что поймать злоумышленника не получится. Не бегать же, в самом деле, по всем квартирам девятиэтажки, спрашивая, не их ли обитатели кидаются! Так что пришлось, наскоро обтеревшись носовым платком, продолжить путь с испорченным настроением. Уже возле школы его нагнал Миша.

– Ты чего опять как в воду опущенный? – поинтересовался он, оценив состояние друга.

– Какой-то идиот из твоего дома водой облил, – пояснил Коля, едва удержавшись от того, чтобы обругать товарища, по незнанию попавшего в самую точку. – Не знаешь, кто бы это мог быть?

– Наверное, кто-то из малышни, ее у нас хватает, – почесав затылок, ответил Миша. – Взрослые не стали бы, а нашего возраста, считай, и нет никого. Иначе выходит, что я бросил.

Но расстроенный Коля даже не улыбнулся шутке. Сегодня он надеялся опять появиться в классе первым, чтобы попытаться поймать злого шутника с поличным, но, как назло, помимо него с Мишей сегодня среди одноклассников нашлось еще несколько ранних пташек, и затею пришлось отложить до завтра.

Занятия в этот день, к Колиной радости, проходили без неприятных сюрпризов, и ему стало казаться, что череда нелепых случайностей осталась позади и жизнь входит в нормальную колею. Но это приятное заблуждение вскоре развеялось.

Зайдя в школьный туалет, Коля собрался вымыть руки. Кран, очевидно, закрученный кем-то из старшеклассников по принципу «сила есть – ума не надо», поддавался чрезвычайно туго. Мальчик, также не считавший себя слабаком, приналег на заевший вентиль... И ему в лицо ударила тугая струя холодной воды. Коля умудрился сорвать резьбу, и теперь вода, нашедшая путь наружу, хлестала по всему помещению с неожиданной силой и напором. Все попытки исправить ситуацию и водрузить непослушный вентиль на место успехом не увенчались. Струя в ответ была только сильнее, причем как будто задалась целью облить именно Колю; мальчику казалось, что на его долю воды пришлось значительно больше, чем на стены. Делать нечего – пришлось звать подмогу.

Когда школьный мастер, уяснив, в чем дело, перекрыл в нужном месте воду, туалетное помещение представляло собой нечто вроде маленького прудика. Виновник же случившегося выглядел так, словно он в этом самом прудике искупался. На нем не осталось ни единой сухой нитки, он промок насквозь. Ни домой, ни на занятия отпускать его в таком виде было нельзя, так что мальчик, за неимением лучшего места, сидел в школьном медицинском кабинете, закутанный в какую-то простыню, в то время как сушилась его одежда. Разумеется, такая ситуация дала повод для множества шуток, и Коле стало казаться, что за последние пару дней он превратился в какого-то клоуна, классное посмешище. Не добавляло хорошего настроения и то, что на него накричал директор, огорченный состоянием недавно отремонтированного помещения. Тут волей-неволей вспомнишь пророчество о том, что удач тебе больше не ведать.

Обсушившись и даже успев на последний урок, Коля отправился с мамой в поход по магазинам за новой формой. Как ни странно, на сей раз все прошло гладко: и обувь, и одежда нашлись нужного размера и по нормальной цене. Так что мальчик, воспрянув духом, отправился на тренировку. Перед ответственными соревнованиями они проходили ежедневно. Мама же поспешила на работу, с которой отпросилась всего на пару часов.

Дорога к стадиону из района, где они ходили по магазину, была неблизкой, но Коля решил пройтись пешком. Он считал, что без прогулок с Джеком мало двигается, а форму,

как-никак, поддерживать нужно. Особенно если учесть сорванные тренировки. Быстрым же спортивным шагом он успевал на стадион с большим запасом.

Когда мальчик переходил через мост, ему показалось, что в неглубокой, но довольно быстрой речке, рассекавшей город на две неравные части, что-то блестит. Солнечный свет, проходя сквозь толщу воды, выхватывал очертания какого-то странно изогнутого и, как казалось, металлического предмета. Из любопытства Коля перегнулся через перила и стал всматриваться в воду. И в этот момент тяжелая чугунная решетка, вроде бы прочно закрепленная в бетонных столбиках, легко подалась вперед, как будто была сделана из бумаги, и полетела вниз, увлекая за собой любопытного мальчика. Коля, не сумев вовремя разжать руки и удерживать равновесие, рухнул в ледяную речную воду вместе с ней.

От холода у него перехватило дыхание, а одежда, разом набухшая в воде, сделалась тяжелой, как рыцарские доспехи. Погрузившись с головой и хлебнув воды, Коля запаниковал и отчаянно забил руками и ногами, стремясь вынырнуть на поверхность и глотнуть воздуха. В принципе, глубина речки здесь едва ли превышала его рост, но он умудрился за что-то зацепиться, и это что-то удерживало его под водой. Сильное течение же волокло его вперед, не позволяя высвободиться.

Поняв, что еще чуть-чуть, и он просто захлебнется, если раньше не потеряет сознания от холода, мальчик попытался взять себя в руки и действовать хладнокровно. Это оказалось не так-то просто: удерживать дыхание было все труднее, а легкие, казалось, вот-вот разорвутся. Если не выдержать и вдохнуть – это конец. Изловчившись и преодолевая сопротивление течения, Коля повернулся и обнаружил, что его сумка, висевшая через плечо, оказалась зажатой между упавшей решеткой и невесть как оказавшимся в речке совершенно новеньким металлическим прутком, изогнутым в виде буквы «З» или тройки. Подергав за сумку и убедившись, что ее так просто не высвободить, Коля попытался от нее избавиться, но и это оказалось делом непростым. Никак не получалось высвободить руку. Мальчику подумалось, что в этот момент он готов был бы лишиться руки, сделаться инвалидом, лишь бы выбраться на поверхность.

Задерживать дыхание становилось нестерпимо трудно и больно. Коля, отчаянно хотевший жить и подумавший о том, как тяжело будет его родителям, если он утонет, держался до последнего, но в какой-то момент сопротивляться уже стало невозможным. В легкие хлынула вода, и мальчик почувствовал, что теряет сознание. Мысленно попрощавшись со всеми, кто был ему дорог, он прекратил борьбу.

И в ту же секунду чьи-то очень сильные руки подхватили его и стали тащить на поверхность. Ремешок злосчастной сумки был просто оборван, и голова мальчика наконец показалась из воды. Коля судорожно пытался вдохнуть и отплеывался, чувствуя, что его несут, а потом переворачивают и бьют по спине. Он слышал голос, казавшийся очень знакомым, а когда пришел в себя, то увидел, что его спасителем оказался не кто иной, как Иван Аркадьевич, также предпочитавший добираться до стадиона пешком и издали увидевший момент падения.

– Вот такая тренировочка! С душем! – выдохнул мужчина, у которого тоже зуб на зуб не попадал. Он был удивлен не меньше своего подопечного.

К месту происшествия уже подъехали «Скорая помощь» и полиция. Врачам, к счастью, требовалось только согреть пострадавших и помочь мальчику избавиться от остатков воды в дыхательных путях. А вот у стражей порядка явно копились вопросы к тем, кто по долгу службы отвечал за состояние городских мостов. Сюда же подоспели и местные репортеры. Но, к счастью, пробиться ни к потерпевшему, ни к его спасителю, которым, естественно, сейчас было не до них, так и не смогли.

Когда Коля подъехал к дому на машине «Скорой помощи», родители испытали настоящий шок. Который только усилился, когда они узнали, какой смертельной опасности только

что избежал их сын. Колю немедленно напоили горячим чаем с малиной, куда папа добавил немного чего-то более крепкого и хорошо согревающего, и отправили в почти столь же горячую ванну. И только там мальчик, наконец, почувствовал, что ему стало по-настоящему тепло.

В пенной ванне он так расслабился, что начал задремывать. И в этот момент пенные хлопья на поверхности воды вдруг стали сами собой складываться в некое подобие снеговика, которого как будто лепил невидимый скульптор. Еще чуть-чуть, и мальчик понял, что это никакой не снеговик, а фигура вроде той, которую всего три дня назад он видел в парке. Он попытался разрушить это пенное наваждение, но, как и в тот раз, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже губами, чтобы позвать на помощь. Не получалось даже закрыть глаза, не желавшие видеть это кошмарное существо, становившееся, несмотря на малые размеры и нелепый материал, совершенно реальным. А на месте, где должны были находиться глаза, мыло сгустилось таким образом, что превратилось в две темные сияющие точки. Купальщику стало казаться, что на него действительно уставились два недобрых глаза, от пронзительного взора которых никуда не укрыться. Вместо приятного фруктового запаха пены откуда-то потянуло дымом.

Выросшая из воды фигура, однако, на первый взгляд не собиралась причинять Коле никакого вреда. Она просто гипнотизировала мальчика, и он в мельчайших деталях вспоминал все произошедшее с ним в воскресенье, а в ушах звенели слова страшного пророчества. Пенная фигура, разумеется, ничего не говорила, но, когда окончились воспоминания, прямо в мозгу мальчика отпечатались новые слова, как будто присочиненные в дополнение к предыдущим:

До дня седьмого, может быть,
Не суждено тебе дожить,
Но знай, что мертвый иль живой
В тот день окажешься со мной!
Соседняя могила ждет, —
Проклятие тебя найдет!

Едва стихотворное пророчество окончилось, в ушах мальчика зазвучал мерзкий хохот, который с равной вероятностью мог быть высоким мужским или низким женским, но никак не мог принадлежать нормальному человеку. И в ту же секунду Коля почувствовал, как его тело медленно скользит по дну ванной, а торчащая над водой голова опускается все ниже и ниже. Мальчик напрягал всю силу воли, чтобы суметь пошевелиться, но тело отказывалось ему служить. Под гипнотическим взглядом пенной фигуры он ощущал, что не принадлежит сам себе, а находится в чьей-то безраздельной власти.

Коля опускался в воду очень медленно. Сначала она дошла до подбородка, затем до линии губ, потом полностью скрыла под собой рот и уже стала подбираться к носу... Сейчас мальчику было даже страшнее, чем в реке. Там, по крайней мере, все происходило быстро, а здесь он ощущал себя приговоренным к постепенной и мучительной казни. Еще несколько миллиметров, и он не сможет дышать. Коля пытался вдохнуть как можно больше воздуха, словно забыв о народной мудрости, гласящей, что перед смертью не надышишься.

Пена, скопившаяся возле головы мальчика, собралась между тем в небольшую горку. Она поднималась все выше и выше, а голова опускалась все ниже и ниже, и в какой-то момент горка перекрыла обзор, прервав контакт с глазами страшной фигуры. И только тогда Коля очнулся, как ошпаренный вскочил на ноги и буквально выпрыгнул из ванны, будто ее бортик был перекладиной, которую требовалось преодолеть на тренировке.

Инстинктивно обернувшись назад, мальчик увидел, что никакой фигуры в ванной больше нет, да и пены-то осталось совсем немного. А за стеной ванной комнаты тем временем бесновался Джек. Похоже, пес пытался своим телом проломить дверь, чтобы ворваться внутрь. Встревоженные голоса родителей допытывались, все ли в порядке. У Коли, которого буквально колотило, уже не от холода, а от нервного напряжения, едва хватило сил, чтобы выдавить из себя неискренние слова о том, что все нормально (ах, если бы это было правдой!) и он сейчас выйдет.

Уже лежа в постели и немного успокоившись, мальчик попытался придумать случившемуся в ванной комнате какое-нибудь рациональное объяснение. Ну конечно: он просто задремал, разомлев в теплой пенной водичке, едва не ушел под воду с головой, проснулся от этого, а во сне увидел кошмар. Коля почти убедил себя в этой версии, но в глубине души понимал, что все не так просто. В нее не укладывались как другие неприятности, так и различные мелкие детали вроде запаха дыма в ванной комнате. Папа еще сказал, что надо разбираться с вентиляцией, а значит, запах был реален.

Самым ужасным было то, что от опасности, как теперь выяснялось, мальчик был не застрахован нигде, даже в собственном доме. Засыпая, Коля твердо решил, что на следующий день ни за что не станет иметь дело с огнем. Ведь, если верить пророчеству, пришел черед пострадать от него.

День четвертый

Когда на следующее утро Коля проснулся, было уже совсем светло. В первую минуту он решил, что проспал и не услышал будильника, удивившись только, что его не разбудили родители. И только с некоторым запозданием вспомнил, что мама с папой вчера говорили о том, что ему после всех неприятных приключений надо дать отдых. Папа, помнится, вообще назвал его «тридцать три несчастья». Откуда это выражение, Коля не знал, но смысл его был очевиден. Действительно, несчастья к себе он в последнее время словно притягивал.

Как ни странно, вчерашнее ледяное купание никак не отразилось на здоровье. Размышляя о том, как распорядиться неожиданно предоставившейся на целый день свободой, мальчик поймал себя на странной мысли, что хотел бы сейчас оказаться в школе вместе со всеми. Дома в будний день, не будучи больным, он ощущал себя как-то по-дурацки, неловко, словно какой-нибудь обманщик.

Поняв, что он очень голоден, Коля направился на кухню, где нашел записку от мамы с подробной инструкцией, что и как следует разогревать. Мальчик прочитал ее с некоторой досадой, считая, что он уже не маленький, чтобы его так опекать. Хотя папа, к примеру, очень часто умудрялся или сжечь пищу, или, напротив, не выдержав ожидания, съесть ее почти сырой несмотря на все инструкции. Джек, находившийся как раз на кухне, к большому Колиному огорчению, покинул ее, как только там появился хозяин.

Машинально чиркнув спичкой, чтобы зажечь газ, Коля отшатнулся от плиты и вскрикнул от боли. Спичечная головка при соприкосновении с коробком отлетела вверх и впиалась ему в щеку, словно разъяренная пчела. Если бы мальчик не отшатнулся, дело могло бы закончиться куда более печально: серьезная опасность угрожала глазу. Только сейчас Коля вспомнил о вчерашнем решении избегать огня и отругал себя за забывчивость.

Теперь он решил ограничиться холодной пищей и на всякий случай даже перекрыл газ. Перекусив, Коля подумал, что неплохо бы выпить горячего чая, и задумался, стоя возле электрического чайника, не считается ли электричество тоже своего рода огнем. Конечно, он знал, что это никакой не огонь, но ведь автор пророчества, судя по всему, человек явно не современный. Быть может, для него никакого различия и нет. С минуту постояв в нерешительности, мальчик разозлился на себя за трусость и нажал кнопку. Он внимательно следил за чайником, но ничего особенного не произошло, вода вскипела вовремя. После такого локального успеха Коля даже повеселел. В конце концов, все было не так уж страшно. А спичка... Спичка могла и случайно отлететь. И вообще: без горячей пищи он сегодня обойдется, а кроме газа, никакого огня в доме и нет.

Компьютер мальчик включал уже почти без опаски. Решив, что после всех волнений последних дней он заслужил хоть какой-то отдых, Коля с увлечением принялся за компьютерную игру, всласть наиграться в которую у него долго не находилось достаточно времени. Сначала его персонаж достиг некоторых успехов, но затем ему пришлось здорово пострадать от одного зловредного монстра, уничтожавшего противников огнем. В какой-то момент, когда его герою особенно досталось, Коле показалось, что он ощущает слабый запах гари. Но увлеченный мальчик никак не мог оторваться от компьютерной битвы, сделав это только тогда, когда запах сделался действительно сильным, а Джек стал заходиться тревожным лаем.

Оторвавшись, наконец, от экрана, Коля сообразил, что этот запах паленого он ощущает наяву, а вбежав в соседнюю комнату, где и находился его источник, обнаружил, что за окном, оттуда, где располагается балкон, валит густой серый дым. Мальчик заметался. Он столько раз смеялся над плакатами, предупреждающими об опасности неосторожного обращения с огнем и рассказывающими, что нужно делать при пожаре, а сейчас совершенно растерялся.

Что делать прежде? Звонить пожарным или попробовать потушить пламя самому? Первое казалось более разумным, но ведь горело не в квартире, а на балконе. Даже, скорее, тлело, ведь самого пламени он пока еще не видел. И Коля, схватив большую пластиковую бутылку, чтобы все залить, и на всякий случай старый плед, чтобы накрыть пламя, распахнул балконную дверь.

Дым ел глаза, от него першило в горле. Мальчик закашлялся, зажмурился и упрямо шагнул на балкон. Едва он с облегчением обнаружил, что тлеет только сушившееся там белье и старые журналы, которые было некуда деть, но жалко выбросить, как неожиданный порыв ветра раздул пламя, и оно перекинулось на занавеску в комнате. Очевидно, огню было тесно на застекленном балконе с единственной открытой створкой, и он не мог разгореться, а теперь, получив приток воздуха, вырвался на свободу.

Коля запаниковал по-настоящему. Пройти назад, сквозь пылающие ворота, он не решался, а его доморощенные средства пожаротушения выглядели на фоне выходящей из-под контроля стихии куда как жалко. Мальчик, правда, попытался плеснуть водой на огонь, но большую ее часть просто пролил мимо, а та, что попала по назначению, не вызвала никакого эффекта, кроме шипения. Плед же теперь и вовсе казался лишним, и уже начинал тлеть сам. Коля не знал, что делать. Несколько раз крикнув достаточно слабым голосом «Пожар!», он подумал о том, что можно спрыгнуть вниз, благо всего лишь второй этаж. Для легкоатлета это вообще не высота. Вот только отец, когда стеклили балкон, заказал довольно узкие рамы, протиснуться сквозь которые было трудно даже маленькому ребенку. Что же теперь делать? Попытаться высадить раму? Или все-таки бежать сквозь огонь? Джек истошно лял где-то в квартире, но помочь, естественно, ничем не мог.

И тут мальчику показалось, что дым как будто пошел на убыль. Неужели огонь, пожрав ближайшие подходящие предметы, стал затухать сам собой? Не успел Коля потешить себя такой маловероятной надеждой, как обнаружил, что клубы дыма становятся плотнее, группируются, постепенно принимая уже столь знакомые ему очертания. Мальчику хотелось крикнуть «Нет!», высадить раму и прыгнуть вниз, но он опоздал: его вновь охватило чувство беспомощности. Он теперь мог только стоять и смотреть на обретающую плотность фигуру, гадая, предназначена ли ему гибель от языков пламени или удушливого дыма.

Когда фигура, на этот раз с огненными зрачками, сформировалась, в голове у Коли зазвучали уже успевшие намертво врезаться в память слова проклятия. Едва они затихли, как дымные руки страшного существа удлинились, сделавшись похожими на щупальца осьминога, и неторопливо потянулись к голове мальчика, у которого к ощущению ужаса теперь добавилось еще и отвращение. Ему подумалось, что он умрет, едва лишь эти омерзительные отростки к нему прикоснутся, однако их прикосновение все-таки выдержал. Одна из рук-щупалец стала обвиваться ему вокруг шеи, причем кожа мальчика ничего при этом не ощущала, однако он сам испытывал нарастающее давление на горло и удушье. Другая же, чей конец распался на шевелящиеся, словно черви, пальцы-отростки, потянулась к его лицу, чтобы заползти ему в рот и в нос. Дышать становилось все труднее, а сознание мальчика стало угасать. При этом вопреки всем законам природы он продолжал твердо стоять на ногах в той же позе, в которой его и застало видение из дыма, а глаза его были широко раскрыты.

Раздался звон разбитого стекла и треск ломающегося дерева, и рядом с Колей оказался пожарный. Кто-то из соседей или прохожих успел вызвать пожарную охрану, и огнеборцы, вместо того чтобы ломать прочную металлическую дверь, предпочли более быстрый путь через окно второго этажа, выбив застекленные рамы на балконе. Видение моментально рассеялось, и только тут мальчик вновь обрел способность двигаться, которой тут же лишился, потеряв сознание.

Пожарная команда прибыла вовремя. Огонь не успел натворить серьезных бед, и с пламенем удалось быстро справиться. Очевидной для пожарных была и причина возгора-

ния. Они решили, что кто-то сбросил с одного из верхних балконов непогашенный окурок, который и поджег белье и старые бумаги. Коля же, распахнув балконную дверь, дал огню распространиться внутрь квартиры.

Когда мальчик пришел в себя, то обнаружил, что над ним склонилась женщина в белом халате, чье лицо показалось ему очень знакомым. Затем он вспомнил, что именно она оказывала ему первую помощь после вчерашнего ледяного купания.

– Ну ты счастливчик! – слегка улыбнулась врач. – То в воду, то в огонь. И, можно сказать, опять вышел сухим из воды.

– С ним все в порядке? – раздался встревоженный мамин голос.

– В порядке. Немного дыма наглотался, но это не страшно. Пусть посидит спокойно, попьет молочка. – Она снова посмотрела на Колю, на этот раз строго. – И чтобы завтра в «Скорую» не попадал!

Мальчик хотел что-то ответить, но только сильно закашлялся. У него жутко першило в горле, побаливала грудь, как при бронхите, а глаза до сих пор немного слезились. Запах же дыма преследовал так, словно он по-прежнему находился на месте пожара.

Родители пока не стали выяснять подробности случившегося, решив на время оставить сына в покое. Тем более что на этот раз вся вина была возложена на кого-то из соседей сверху, а он лишь сплеховал, не вызвав вовремя пожарных. Вся одежда, насквозь пропахшая гарью, требовала срочной стирки. Коля и сам был не прочь как следует отмыться, поэтому, заверив маму с папой, что не собирается терять сознание и тонуть, направился в ванную. После вчерашнего это было немного боязно, однако мальчик, уже уверовавший в непреложную последовательность проклятий, посчитал, что вода сегодня ему угрожать не должна. Зловредный дух, кажется, был изрядным педантом.

Он оказался прав. Лежание в теплой пенной ванне прошло без происшествий, и он сумел по-настоящему расслабиться. Вот только нога немного ныла. Мальчик долго рассматривал пятно на ноге, вновь изменившее форму и цвет и сделавшееся теперь красно-коричневым, и пытался понять, действительно ли видит очертания четверки или же это просто случайное совпадение.

Однако его сейчас занимали значительно более важные мысли, чем какой-то синяк, пусть и очень необычный. Нужно было решать, что делать дальше и как уберечься от новых неприятностей. Конечно, можно было попытаться рассказать все родителям, но те наверняка припишут его рассказ галлюцинациям от отравления продуктами горения и, чего доброго, отправят в больницу. А у него соревнования на носу. Да и вообще с такими рассказами тебя враз в психи запишут, и доказывай потом всю жизнь, что ты нормальный. Можно, конечно, Мишке рассказать, тем более что он был тогда совсем рядом. Но что он сможет сделать?

Коля еще раз прокрутил в голове слова проклятия. Ну конечно, как это он раньше не подумал! Ведь ключевая угроза «В день седьмой ты ляжешь здесь!»! А если с ним вдруг что-то случится раньше и он погибнет, то никому в голову не придет закапывать его где-то в заброшенном парке. Выходит, «до дня седьмого, может быть, не суждено тебе дожить» – просто пустая угроза. Могут случаться разные неприятности, но не смертельные. А уж в последний день его в этот парк ничем не заманишь, что бы ни случилось! Эти рассуждения казались вполне логичными, но до конца убедить не могли. Ведь и вчера, и сегодня от гибели его отделяли какие-то секунды.

Тогда, быть может, удастся каким-то образом отменить проклятие? Ну, к примеру, задобрить этого рассерженного духа. Или, напротив, разрушить надгробный камень. Вот только как можно задобрить того, о ком не имеешь ни малейшего понятия, Коля не знал. А о том, чтобы приблизиться к камню, да еще с такой разрушительной целью, боялся и думать.

Из ванной комнаты мальчик вышел в по-прежнему смятенном состоянии духа. Он молча созерцал разрушения, вызванные огнем, на поверку оказавшиеся не такими уж страш-

ными, думая о том, что это еще не конец. А потом его взгляд вдруг упал на местную газету, лежавшую на столе. Обычно пресса, за исключением спортивных разделов, Колю интересовала мало, но на сей раз его внимание привлек громкий заголовок. Заметка была озаглавлена «Парк на костях», а в качестве иллюстрации к ней прилагалась фотография, на которой, как показалось мальчику, было запечатлено то самое место с камнем, принесшим ему столько бед. Впрочем, снимок был неважного качества, да и местность вокруг камня особых примет не имела, такие же деревья и кусты, как везде вокруг, так что за последнее Коля поручиться бы не мог.

Начало статьи не впечатляло. В нем шли общие рассуждения о нравственности, исторической памяти и «любви к отеческим гробам». Далее пространно описывались планы местных властей облагородить, наконец, дикую часть парка и установить там аттракционы. Но затем начиналось самое интересное.

«Мало кто, даже из коренных горожан, знает, что место, на котором сейчас собираются поставить аттракционы, издавна пользовалось дурной славой. Когда-то там располагалось языческое капище, где было принесено немало невинных жертв. Затем в этом месте, находившемся в то время, разумеется, за городской чертой, промышляли лихие люди или, попросту говоря, свирепствовали разбойничьи шайки. Вековые деревья, кое-где сохранившиеся до наших дней, наверняка были свидетелями их чудовищных злодеяний. И, наконец, нынешний парк сделался кладбищем для колдунов и самоубийц. Сюда свозились тела тех, кто не подлежал отпеванию и кому отказано было в праве лежать в освященной земле».

Далее журналист пространно рассуждал о том, уместно ли в таком месте создавать парк развлечений, причем неясно было, то ли он считает это неуважением к покойникам, пусть и не самым примерным, то ли опасается каких-либо неприятностей и несчастных случаев, вызванных «нехорошим местом».

Наскоро пробежав глазами конец статьи и несколько раз внимательно перечитав абзац, где говорилось об истории, Коля в волнении зашагал по комнате. Выходит, он не ошибся и здесь на самом деле было кладбище. Значит, он действительно плевал на надгробный камень какого-то бедолаги, покончившего с собой или прослывшего колдуном. Хотя, если учесть, что случилось потом, обвинения в колдовстве, по-видимому, имели под собой основания. Вообще-то мальчик, следуя примеру отца, никогда не верил ни в каких привидений и смеялся над разными гадалками и экстрасенсами. Но теперь он не знал, что и думать.

Наконец, он решил, что если захороненным там людям было отказано в каких-то церковных обрядах (в каких именно, он разбирался плохо), то, может быть, если их провести, то все успокоится? Выходит, следовало обратиться к священнику. О том, чтобы сделать это сегодня, нечего было и думать; родители ни за что не отпустили бы его из дома. Но завтра это было вполне возможно. Приняв такое решение, мальчик даже повеселел. Неприятно, конечно, что они с ребятами, как выяснилось, все время играют на чьих-то костях, но тут уж ничего не поделаешь. И вообще в старинных городах, в Москве, например, весь центр – одно сплошное кладбище. Куда ни ступи – почти везде когда-то был погост. И ничего, живут люди и ни с какими зловредными клубами дыма не сталкиваются. А в Останкино, как он когда-то слышал, вообще раньше самоубийц свозили.

Коля подумал, что раз уж выдался свободный денек, можно немного передохнуть, и снова засел за компьютер. На этот раз он выбрал другую игру, безо всякого огня, и уже через несколько минут, забыв обо всем на свете, представлял себя не виртуальным, а самым что ни на есть реальным гонщиком.

К сожалению, игра и на этот раз продолжалась недолго. Запах горелой резины (и это отнюдь не были раскалившиеся автомобильные покрышки) оторвал его от этого интересного занятия. Мальчик вскочил на ноги и увидел маленький фейерверк. Компьютерный провод шипел и искрил так, что к нему страшно было приближаться. Искры же золотым дождем

обильно сыпались на ковер, который, кажется, уже начинал понемногу тлеть. Второй за день пожар в доме – это было бы уже чересчур.

Неполадки с проводом происходили прямо рядом с розеткой, так что выдернуть шнур Коля не рискнул. Еще не хватало получить удар током! А в том, что нечто подобное случится, мальчик почти не сомневался. Как на грех, у отца была сегодня срочная работа, и он, убедившись, что дом не сгорел, вынужден был вернуться к ней, а мама отлучилась в магазин, взяв с сына твердое обещание, что он никуда не выйдет из квартиры. Не звонить же пожарным! Коля быстро стал выключать компьютер, но тот вдруг надумал скачивать из Интернета какое-то обновление и выключаться не торопился. Когда же мальчик прикоснулся к его корпусу, чтобы выключить его принудительно, случилось то, чего он так опасался и чего никак не должно было произойти.

Его рука словно прилипла к корпусу системного блока, а все тело пронзила острая боль и стали сотрясать конвульсии. Коля упал на пол, причем его голова оказалась совсем рядом с искрящимся проводом, однако освободить руку так и не смог. Он буквально сотрясаясь всем телом, колотясь головой об пол, перед глазами плясали искры, но сознание его не покидало. На этот раз никаких видений перед глазами не возникало, но от этого было не легче. Запоздавшая мысль о том, что, возможно, следовало выключить предохранитель в коридоре, теперь была совершенно бесполезна.

В комнату вбежал Джек. Несколько мгновений он переводил свои умные глаза с хозяина на искрящийся провод и обратно, как будто оценивая сложившуюся ситуацию и намечая план действий. Коля хотел позвать пса в надежде, что он сможет оттащить его от компьютера, но потом, смутно вспомнив, что знает об электричестве, решил, что Джека в этом случае будет бить током вместе с ним.

– Фу, Джек! Не надо! – произнес Коля слабым голосом. По правде говоря, мальчик не был даже уверен, что он это сказал, а не просто подумал, настолько ему в тот момент было плохо.

Джек, как показалось, понял хозяина, и вместо того, чтобы оттащить его в сторону, вцепился зубами в провод и резко мотнул головой. Раздался жалобный визг, но злополучный провод вылетел-таки из розетки. Коля, наконец освободившийся, но все еще трясшийся, скорее по инерции, с огромным трудом сел на пол. Пес лежал без движения, а его мощные челюсти продолжали сжимать провод. Преодолевая собственную слабость, мальчик, как умел, принялся приводить его в чувство. Он приложил ухо к густо покрытому шерстью телу и сначала ничего не услышал, настолько сильно колотилось его собственное сердце. Но потом, к своей огромной радости, уловил совсем слабые, но ритмичные удары. Значит, Джек был жив.

Увидев, что его собственные усилия привести пса в чувство не приводят к успеху, Коля бросился к телефону. От волнения и последствий удара током пальцы его тряслись, и он никак не мог попасть по нужным кнопкам. Сначала мальчик позвонил в «Скорую», но там помощи собакам, разумеется, не оказывали. Раздраженный женский голос посоветовал ему не занимать линию, по которой могут в этот момент звонить тяжело больные люди, и наотрез отказался давать какой-либо совет. В службе спасения мальчику сказали, что звонить надо в ветеринарную клинику, а лучше отвезти туда собаку самим. Оценив свои силы, мальчик понял, что до ветеринара Джека дотащить не сможет, и лихорадочно принялся искать нужный номер.

К счастью, в этот момент из магазина вернулась мама. Не задавая лишних вопросов, она быстро нашла телефон ветеринарной клиники, куда пса возили совсем недавно, и договорилась о том, что к ним на дом сейчас приедут. Джек слабо дышал, и его сердце билось, однако других признаков жизни он не подавал. Ветеринар приехал быстро и, осмотрев больного, решил, что того нужно немедленно доставить в клинику. Мама, которой сын ничего

не сказал о собственной травме, поехала с ним, оставив Колю дома, несмотря на все его уговоры.

Вернувшийся домой отец, узнав о случившемся (с Джеком, разумеется, а не с Колей), только всплеснул руками и пробормотал что-то про опровержение теории вероятностей. Внимательно осмотрев провод, он решил, что причина неполадки была в Джеке, который, очевидно, умудрился еще раньше прогрызть изоляцию. Мальчику стало очень обидно за своего четвероногого друга, который, спасая его, едва не погиб сам и которого теперь и обвинили во всех бедах. Он ощущал себя по отношению к Джеку едва ли не предателем, но правду о происшествии так и не сказал.

В ожидании мамы с Джеком мальчик не находил себе места, да и папа явно нервничал, намереваясь по первому звонку собираться и ехать в клинику. Он не сделал этого без звонка только потому, что после пожара, пусть и небольшого, в квартире многое требовалось привести в порядок. Да и провод нужно было починить и проверить. Так что ему, отвлеченному делами, было явно легче, чем сыну, тщетно пытавшемуся сосредоточиться на учебнике истории.

Когда мама появилась на пороге одна, Коля готов был разрыдаться, но, как оказалось, преждевременно. Джека, который был в плохом, но не безнадежном состоянии, согласились оставить в клинике. Решиться на это было непросто, но, рассудив, что обеспечить дома квалифицированный медицинский уход не получится, мама решила, что правильнее будет не забирать собаку домой.

Коля, порывавшийся съездить в клинику, чтобы проведать друга, в чем ему было отказано, вышел на разгромленный балкон, чтобы вдохнуть немного свежего воздуха. Папа, осмотрев повреждения, решил на выходных устранить их собственными силами, так что намечался большой ремонт, в котором должен был принять активное участие и мальчик. С грустью отметив, что выходные, кажется, пропали, Коля стал смотреть на небо, на котором собирались необычные для этого времени года облака густо-фиолетового цвета. Но даже в причудливых очертаниях облаков ему чудилась страшная фигура. Конечно, сходство было небольшим и, скорее всего, являлось просто игрой воображения, но мальчику стало настолько неприятно, что он решил покинуть балкон. Едва он это сделал, как молния, сопровождавшаяся таким громовым раскатом, словно где-то рядом произошел взрыв, ударила в дерево рядом с домом, прямо напротив балкона. Жильцы, в том числе Колины родители, повыглядывали из окон и балконов, дивясь столь редкому, особенно для поздней осени происшествию, а мальчик был уверен в том, что, не уйдя он с балкона несколькими секундами ранее, разряд достался бы ему.

День пятый

На следующий день Коля твердо решил идти в школу, тем более что чувствовал себя нормально. Собственно в школу ему не очень-то и хотелось, однако он уже и так пропустил много тренировок, а нет школы – нет и спорта. К тому же утонувшую спортивную форму, с которой мальчик уже было попрощался, неожиданно удалось спасти из воды. Когда из реки доставали свалившийся туда пролет решетки, заодно достали и Колину сумку и даже вернули ее владельцу. Так что мальчик горел энтузиазмом наверстать упущенное и подготовиться-таки к чемпионату, несмотря ни на какие проклятия.

За завтраком, когда он собрался отрезать себе кусок хлеба для бутерброда, нож неожиданно выскользнул у него из руки и упал прямо на левую руку, пригвоздив ее к деревянной доске для резки. Из раны брызнула кровь, а из глаз – не менее обильные слезы. Коля едва удержался, чтобы не завопить во все горло, но сумел подавить крик, издав только глухой стон.

Глубоко вдохнув, мальчик склонился над раной. Ему повезло. Сталь не задела кость, а только пригвоздила кожу. Коля взялся за нож, чтобы осторожно вытащить его, но с первого раза с задачей не справился, настолько глубоко лезвие вошло в доску. И только со второй попытки, напрягая все силы, мальчику удалось высвободить левую руку. Коля подставил ее под струю холодной воды, одновременно осматривая рану. Все было не так плохо, как он опасался, однако без перевязки обойтись было нельзя. О том, чтобы делать ее одной правой, нечего было и думать. Пришлось звать на подмогу маму.

После того как рана была продезинфицирована, а рука забинтована, Коле пришлось проявить чудеса красноречия, чтобы убедить родителей: с ним все в порядке и в школу он идти может. Его все-таки отпустили, но мама и даже папа, проникшись какой-то мрачной мистикой последних дней, просто умоляли его быть осторожнее. Мальчик и сам прекрасно помнил, что ему угрожает. Тем более что больная левая рука не давала об этом забыть. Сегодня железо уже пронзило его плоть с утра пораньше, и очень хотелось надеяться, что этим все и ограничится. Однако события в предыдущие дни оставляли мало надежды на такой благополучный исход.

По дороге в школу Коля пытался представить себе, о каком еще железе может идти речь. Поначалу ничего, кроме каких-нибудь ножей, в голову не приходило. Но, вспомнив, с какой широтой трактовалось, к примеру, понятие «огня», мальчик включил в список потенциальных опасностей и автомобили. Кроме того, он опасался, что сверху на него может свалиться какой-нибудь рекламный щит, дорожный знак или еще что-нибудь в этом роде. Так что шел он не спеша, внимательно оглядываясь по сторонам, словно какой-нибудь очень бдительный пенсионер.

Из-за утренней перевязки и такой неторопливости в школу мальчик вошел уже со звонком. В классе он стал героем дня. Об историях с падением в реку и вчерашним пожаром знали уже очень многие. Перевязанную руку все тоже приписали борьбе с огнем, и Коля не стал разубеждать одноклассников. Учителя отнеслись к дважды пострадавшему с пониманием и к доске не вызывали. Так что все шло очень неплохо. Однако мальчик не терял бдительности, тем более что умудрился получить три небольших, но ощутимых напоминания об опасности железа, один раз в виде укола циркулем, второй – посредством кнопки, неведомо как оказавшейся на стуле, а третий – в виде торчавшего из другого стула гвоздя, даже слегка распоровшего брюки. Но эти мелкие неприятности не огорчали. Коля готов был вытерпеть сколько угодно таких уколов, лишь бы ими на сегодняшний день все и обошлось.

Но эта надежда развеялась на уроке физики. Геннадий Иванович, показывая различные опыты, имел обыкновение приглашать в качестве ассистента кого-нибудь из учеников.

Ребята очень любили принимать участие в этих экспериментах, и учитель, зная это, стремился задействовать в них как можно больше народу. Сегодня его выбор пал на Колю. Возможно, физик хотел этим продемонстрировать, что история с Крокодилом Генной забыта. Мальчик, у которого после того случая также остался неприятный осадок, хотя он и не был ни в чем виноват, с радостью пошел ему помогать.

Замеры со стальной пружиной, которую испытывали на растяжение и сжатие, уже подходили к концу, когда едва не случилось непоправимое. Прочнейшая пружина, для которой такие нагрузки были как школьная сумка для тяжелоатлета, лопнула самым неожиданным образом, причем ее конец с грузиком полетел прямо в лицо мальчику (как показалось Геннадю Ивановичу, вопреки законам столь любимой им физики). Лишь Колина спортивная реакция спасла его от тяжелейшей травмы. Он успел отпрянуть назад, а конец пружины просвистел в нескольких сантиметрах от его глаза. Геннадий Иванович схватился за сердце, и мальчик едва не сделал то же самое. После физик долго изучал место разрыва пружины и даже носил показывать ее специалистам по металловедению, но и те только удивлялись такому факту, не находя ему никаких научных объяснений.

После уроков Коля не пошел домой. Некоторое время он не мог решить, как воспользоваться временем, оставшимся до тренировки. Сначала мальчик думал отправиться к камню. Он не знал толком, что будет там делать, но предполагал, что, в противовес своему прошлому поступку, следует каким-то образом отнестись к месту захоронения максимально уважительно. Как именно? Ну, например, очистить вековой камень. Или принести туда какие-нибудь цветочки или даже веночек, пообещать поставить ограду. Конечно, это казалось полным бредом, но надо же попытаться сделать хоть что-то!

Но потом Коля как будто устыдился своих намерений. Судя по тому, что с ним происходило, под камнем упокоился (или, скорее, не совсем упокоился) какой-то злодей, и носить ему цветочки очень не хотелось. Такой поступок походил бы на дань, приносимую бандиту, и означал полную капитуляцию. А вот попробовать обратиться в церковь, чтобы провести соответствующий обряд, казалось гораздо более достойным. В конце концов, даже злодеев нужно хоронить по-человечески.

Миша предупредил его, что сегодня пойти с ним не сможет, и Коля был даже рад этому факту. Во-первых, не хотелось признаваться в собственной слабости и показывать даже другу, насколько все серьезно и как он на самом деле напуган. А во-вторых, мальчик понимал, что соседство с ним может быть опасным для тех, кто рядом, и не хотел, чтобы Миша пострадал за компанию с ним. Тем более что, как он вспомнил, пророчество на шестой день недвусмысленно предупреждало о такой возможности. Хватит с него и травмы Джека.

Но прежде чем отправиться в церковь, Коля заглянул в ветеринарную клинику. Врач предупредил его, что пес пока очень слаб и прогнозы о выздоровлении еще делать рано. Так что следовало оставить его здесь, где проводятся все необходимые процедуры, еще на день-другой. Джек после введенных лекарств сейчас крепко спал, поэтому мальчик посмотрел на него только издали, мысленно попросив прощения и пожелав выздоровления.

Теперь Колин путь лежал в церковь. Раньше он заходил в храмы всего несколько раз, из любопытства, и однажды с экскурсией. Поэтому сейчас невольно испытывал некоторую робость. Ему казалось, что другие люди, находящиеся здесь, особенно сердитые бабушки у входа, смотрят на него с неодобрением. Возможно, он был не так одет или не сделал что-то, что было положено смиренному прихожанину. После Коля понял, что ему, наверное, следовало перекреститься и поклониться, как делали многие, проходя мимо храма, но смешно выполнять такие обряды, если ты даже не крещен. И потом, он же пришел сюда не молиться, а по серьезному делу.

Коля остановился у порога. От сладковатого запаха, царившего в храме, у него слегка закружилась голова. Увидев у двери прејскурант на церковные услуги, мальчик заметно

приуныл. Он почему-то думал, что священники выполняют свои обязанности бесплатно, а живут за счет добровольных пожертвований верующих, и теперь убедился, что это не так. Если свечку за упокой он еще мог себе позволить, то на отпевание его скудных средств явно не хватало. Коля с грустью решил, что свечкой в его случае, пожалуй, не обойтись. К тому же он не знал имени досаждавшего ему покойника. Но если с отпеванием ничего не выйдет, можно попробовать и со свечкой. Хуже не будет.

Набравшись храбрости, Коля, сопровождаемый подозрительным взглядом женщины, торговавшей свечами, подошел к священнику. Тот, похоже, в этот день был не в духе или же просто куда-то спешил. К тому же он с первого взгляда понял, что Коля здесь новичок.

– Мальчик, тебе что нужно? Покреститься хочешь? – как-то очень уж торопливо поинтересовался батюшка.

– Нет... Я... Мне... – Коля, плохо разбиравшийся в церковных обрядах, смешался, не зная, как сформулировать свою просьбу. – Мне тут отпеть надо...

– Что сделать? – переспросил удивленный священник. С такой просьбой всегда обращались взрослые люди, но никак не дети и подростки. – Ты хочешь заказать отпевание усопшего?

– В общем, да, – кивнул Коля и поспешил добавить: – Только я его совсем не знаю.

– Так что же это за незнакомец? – батюшка был заинтригован, но вместе с тем заподозрил, что его хотят разыграть, поэтому принял по возможности строгий вид.

– Вы понимаете, он уже много лет как похоронен и до сих пор неотпетый, – мальчик чувствовал, что объясняет не слишком понятно, но из-за этого волновался только сильнее, что не способствовало ясности речи. – И вот теперь получают всякие неприятности.

– Какие неприятности? Говори толком. Это кто-то из твоих родных?

– Нет. Я не знаю, кто он. Знаю только, что он похоронен там, в парке.

– Это где погребали преступников и самоубийц? – нахмурил брови священник.

– Да! – Коля снова кивнул. – Если бы вы могли пойти туда и сделать... Ну, все, что нужно...

– Отпеванию они не подлежат! – батюшка был явно рассержен такой просьбой.

Он, кажется, собирался сказать что-то еще, но в этот момент одна из женщин вскрикнула, и Коля, скорее почувствовав каким-то шестым чувством, чем увидев тень или услышав свист воздуха, отпрыгнул в сторону. Священник, несмотря на далеко не юный возраст и дородное телосложение, обладал, как оказалось, не худшей реакцией и проворно отскочил в другую. А на то место, где они только что беседовали, упала увесистая люстра со свечами. После минутного замешательства, вызванного столь редким и неординарным событием, являющимся, по мнению многих суеверных людей, дурным предзнаменованием, в храме поднялась такая суeta, что Коля счел за лучшее ретироваться, забыв о своем намерении поставить свечку. Мальчик понял, что здесь помощи ждать нечего и рассчитывать придется лишь на собственные силы.

Времени на посещение парка уже не оставалось, и Коля направился к стадиону, внимательно глядя то вверх, то под ноги, то по сторонам. То ли благодаря такой бдительности, то ли просто по стечению обстоятельств до стадиона он добрался без приключений. Здесь мальчик был радостно поприветствован Иваном Аркадьевичем, опасавшимся, что его лучший прыгун выбыл из строя надолго. Правда, тренер забеспокоился, обратив внимание на забинтованную руку, но мальчик заверил его, что это пустяки, и побежал переодеваться.

Облачаясь в спортивную форму, Коля задумался о том, какие опасности могут подстерегать его на стадионе. Планка, через которую прыгали юные легкоатлеты, совершенно точно была не из железа. Шесты, на которых она крепилась, возможно, и из него, в этом Коля уверен не был. Удариться о них – это еще туда-сюда, но прыгнуть так высоко, чтобы напороться, – это уж слишком невероятно. Никаких других опасных железок у прыгунов

вроде бы не было. Успокоенный этой мыслью, мальчик вышел из раздевалки и приступил к занятиям.

Начало тренировки прошло замечательно. Коля, уже соскучившийся по спортивным упражнениям, занимался с особенным удовольствием. Даже пробежка, которую он никогда особо не любил, была ему только в радость. Откуда-то пришла уверенность, что и прыжки на этот раз дадутся ему легко и свободно. Но до них дело, увы, не дошло.

В этот день расписание занятий на стадионе по причине какого-то мелкого ремонта оказалось сдвинутым. И в одно время с прыгунами занимались и ребята из других секций. В этом не было каких-то существенных неудобств, места на стадионе хватало всем. И, когда к работе приступили копьеметатели, никто не усмотрел в этом ничего особенного. Результаты были далеки от чемпионских, тем более что копья метали девочки, а на этот участок спортивной арены никто не заходил.

Попытка одной из копьеметательниц оказалась особенно неудачной. Вместо того, чтобы лететь вперед, копье фактически взмыло вверх под смех и шутки подруг и тренера. И тут над стадионом пронесся какой-то чудовищный, почти что ураганный порыв ветра. Спортивный снаряд вместо того, чтобы спокойно падать в свой сектор, резко изменил направление и понесся в сторону по такой странной траектории, словно был радиоуправляемым.

Коля, готовившийся к своему первому прыжку, сначала не понял, в чем дело и почему вокруг раздался крик. А когда обернулся, увидел копье, летящее прямо в него. Оно приближалось, точно в замедленной съемке, собираясь вонзиться куда-то в район шеи. Коля как замороженный глядел на острие, которое по мере приближения становилось все больше, в то время как остальные предметы расплывались где-то на заднем фоне. Выйдя из оцепенения, когда от смертоносного металла его отделяли какие-то два-три метра, мальчик попытался отскочить в сторону, но, как на грех, он как раз перешнуровывал кроссовки. Ноги запутались в шнурках, и он растянулся на земле. Мгновение спустя резкая боль пронзила его правое плечо. Копье нашло свою жертву, железо пронзило плоть. Коля отчаянно вскрикнул и потерял сознание, скорее от шока и испуга, чем от боли.

Поднялась дикая суeta. Кто-то звонил в «Скорую», кто-то просто кричал, а метнувшая злополучное копье девочка и вовсе билась в истерике. Иван Аркадьевич осторожно вытащил копье, к Колиной ране приложили какое-то полотенце, и мальчика потащили в раздевалку, где он и пришел в себя еще до появления врачей. Плечо болело здорово, да и крови натекло немало, но, самое главное, рука шевелилась нормально, а значит, кость не задело и это железо.

Врач «Скорой помощи», увидев пострадавшего, потеряла дар речи. Она оказывала ему помощь в третий раз за три дня, причем каждый раз в достаточно нетривиальных обстоятельствах. Последний случай и вовсе был уникален в ее многолетней практике. Обработав пострадавшее плечо, она успокоила всех, сообщив, что рана несерьезная, но что мальчика все-таки следует отвезти в больницу и на всякий случай сделать рентген.

По дороге в больницу Коля всерьез опасался, что дело закончится автомобильной аварией, однако на этот раз все обошлось. Опытный водитель знал свое дело и довел машину в считанные минуты. В больнице осматривавший мальчика другой специалист подивился необычной ране, отправил его на рентген и распорядился сделать какой-то укол, как понял Коля, на всякий случай, если копье занесло инфекцию. Когда появилась медсестра со шприцем, мальчик подумал, что уже сбился со счета, в который же раз он сегодня терпит боль от железа. Но это испытание оказалось не последним. Прочная игла каким-то образом умудрилась сломаться в его теле, будто напоровшись на твердую преграду в таком месте, где по всем анатомическим законам ничего подобного не было, и для ее извлечения пришлось делать небольшой надрез скальпелем. Впрочем, несмотря ни на что, мальчика все же отпустили из больницы, сказав только прийти завтра на осмотр и перевязку.

Вечером дома Колю ждал серьезный разговор. Каждое из приключившихся с ним несчастий легко объяснялось случайным стечением обстоятельств, но все вместе они составляли какую-то невероятную последовательность, ставившую родителей в тупик. И это при том, что некоторые происшествия сын от них просто утаил. Если папа настаивал на том, что нужно соблюдать осторожность и, по возможности, посидеть дома, то мама уже готова была обращаться то ли к священникам (после сегодняшнего визита в церковь Коле этого совсем не хотелось), то ли к экстрасенсам. Она утверждала, что на мальчике лежит какая-то порча, и скептицизм и здравый смысл отца не могли сбить ее с этой мысли. Коле очень хотелось поговорить начистоту, и он подумал, что подходящий момент, быть может, настал.

– А может, и проклятие какое-то, – издали начал он, прощупывая почву.

Папа досадливо ударил ладонью по коленке, словно говоря: «И этот туда же!», – а мама вся обратилась в слух.

– Я тут в парке играл, – продолжил Коля, – и случайно одну старинную могилу повредил.

– Это где колдунов хоронили?! – ахнула мама.

– И что с того? – не выдержал папа. – Тебе что, теперь является призрак и гремит цепями?

– Да нет, ничего, – мальчик решил прервать рассказ до более удобного случая. Уж слишком невероятным должно было показаться изложение того, что случилось с ним на самом деле. – Просто вспомнил. Мне потом во сне какой-то мужик с бородой снился и проклинал.

– Ну я же говорила! – воскликнула мама.

– Мы в этом парке все детство играли, – вспомнил папа, и Коле показалось, что он глядит на него с укоризной, словно считая, что бояться каких-то проклятий из сна недостойно мужчины. – Один раз череп из земли выкопали, долго играли с ним, и ничего, все живы-здоровы и никаких тебе порч!

– И все-таки я не успокоюсь, пока не попробую! – стояла на своем мама.

Когда мальчик ложился спать, они все еще спорили, а потом мама под папины насмешки и ворчание искала в газете с объявлениями контактные данные какого-нибудь целителя или белого мага.

День шестой

Проснулся Коля совершенно разбитым. Побаливала левая рука, ныло правое плечо, да и место неудачного укола тоже давало о себе знать легким дискомфортом. Полночи мальчик проворочался, пытаясь найти подходящее положение (он привык спать на правом боку, что было сейчас невозможно), но безо всякого успеха. А преследовавшие его всю ночь кошмары заставляли вскрикивать и просыпаться в те минуты, когда все-таки удавалось забыться сном. Коля понимал, что о соревнованиях теперь можно и не мечтать, и от души надеялся, что вчерашний несчастный случай не приведет к закрытию секции или увольнению тренера.

Но, разумеется, в первую очередь его беспокоило проклятие. Ведь согласно ему сегодня был предпоследний день. Вспомнив все досконально, Коля посчитал, что ему в шестой день ничего не угрожает и он получает своеобразную передышку перед самым страшным, решающим «днем седьмым». Ему казалось, что сейчас, когда он в относительной безопасности, самое время что-то предпринять, но, кроме визита к камню с его последующим то ли задабриванием, то ли уничтожением, ничего путного в голову не приходило.

Мальчик долго размышлял над тем, что означает довольно туманная фраза «тебя покинет лучший друг». Друг должен уйти, они поссорятся или же это означает кое-что похуже? Своим лучшим другом Коля считал Мишу. Он подумал, что тот, конечно, ни о чем не подозревает и радуется себе спокойненько наступившим выходным. Значит, надо бы его предупредить об опасности, но сделать это как-нибудь так, чтобы Миша не посчитал, что после травмы у него поехала крыша.

– Мишка, привет! – ничего толком не придумав, Коля решил действовать по обстоятельствам и набрал знакомый номер. – С тобой все в порядке?

– Привет, Колян! А что со мной может быть не в порядке? – удивился Миша, и Коля подумал, что начало разговора получилось не слишком удачным.

– Да я просто так спросил, – туманно продолжил он.

– А что, с тобой опять что-то случилось? – догадался Миша.

– В меня тут копьё попало, – нехотя признался Коля.

– Что попало?! Копьё?!

– Ну, на тренировке, – пояснил Коля.

– Тебя сильно ранило? Ты где, в больнице? – забеспокоился Миша.

– Нет, дома. Оно даже не ранило, а так, слегка задело...

– Ну ты даешь! погоди, я к тебе зайду.

– Это было бы здорово, – признался Коля, но, вспомнив, какой он теперь опасный сосед, быстро добавил: – Только ты это... поосторожнее.

– А чего это мне осторожничать? – снова недоумевал Миша. – Копья по улицам не летают.

– Это я так, к слову, – Коля понимал, что разговаривает как какой-нибудь параноик, всюду видящий опасность, но не находил других слов, чтобы предупредить друга. – Мало ли что... Машины там, сосульки...

– Какие сосульки? Еще и снега-то нет!

– В общем, будь поосторожнее, и все тут.

– Я сейчас зайду, – Миша, кажется, обеспокоился состоянием друга всерьез.

– Ага! Только я узнаю, когда мне на перевязку надо...

На перевязку Коле нужно было значительно позже, но, как выяснилось, вчерашние мамины поиски не прошли втуне. Несмотря на скептицизм и насмешки папы, она договорилась-таки с каким-то «потомственным белым магом» и собиралась пойти к нему с сыном сразу после завтрака. Так что Мишкин визит пришлось отложить. Коля тоже питал неко-

торые надежды на посещение мага. Раз уж столкнулся с какой-то чертовщиной, то, может, такая помощь как раз и нужна? Белый маг против черного. Вдруг сработает?

Одеться без посторонней помощи оказалось довольно трудно, но Коля, совершая неуклюжие движения и преодолевая боль, сделал это сам. Ведь в противном случае его, чего доброго, уложат в постель на весь день, и о том, чтобы совершить запланированную вылазку к камню, нечего будет и мечтать.

Потомственный белый маг жил, как оказалось, неподалеку, в самой обычной многоэтажке, а вовсе не в какой-нибудь избушке на курьих ножках или пещере, как представлялось разгоряченной фантазии мальчика. Это обстоятельство несколько подпортило впечатление, однако, когда они с мамой позвонили в самую обычную с виду дверь и та открылась, стало ясно, что в этой квартире обитает необыкновенный жилец.

Вошедший сюда первым делом погружался в атмосферу, насыщенную какими-то экзотическими ароматами, от которых с непривычки слегка кружилась голова. На стенах висело великое множество самых разнообразных предметов загадочного назначения, словно в какой-то специфической сувенирной лавке с обширным ассортиментом, но небольшой площадью. На дверях и над дверьми красовались непонятные знаки сложной формы, то ли иероглифы, то ли руны – что именно, мальчик с мамой, естественно, не знали. А мастерски сделанное чучело ворона с расправленными крыльями, укрепленное прямо напротив двери, невольно заставляло попятиться.

Сам хозяин выглядел под стать своему жилищу. Высокого роста, в просторном белом балахоне, увешанном амулетами, с длинной рыжей бородой и длинными же волосами, перехваченными замысловатым обручем, он казался сошедшим с иллюстрации то ли к волшебной сказке, то ли к фэнтезийной книге. Начертав в воздухе рукой какой-то витиеватый знак, маг пригласил посетителей войти.

В комнате, декорированной все в том же странном стиле, он предложил им присесть на чурбаки, расставленные вокруг простого деревянного неструганого стола, и сам первым подал пример. После этого мама, волнуясь, сбиваясь и перескакивая с одного на другое, стала рассказывать о том, что случилось с сыном и их семьей в целом за последнюю неделю. Маг, сидевший неподвижно и прямо со скрещенными на груди руками, словно был не живым человеком, а восковой фигурой, слушал внимательно, почти не перебивая, и лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Коля же пока молчал, еще не решив, следует ли говорить этому человеку обо всем, включая видения, или лучше ограничиться маминым рассказом. Хозяин квартиры, конечно, умел произвести впечатление, но вот действительно ли он обладает какими-то сверхъестественными способностями или просто некоторым артистическим даром, мальчик пока не понял.

Когда мама закончила, маг несколько минут смотрел на Колю, почти не мигая и делая время от времени пассы руками. От этого мальчику стало как-то не по себе, хотя ничего особенного вроде бы и не происходило.

– На мальчике лежит проклятие, – заявил маг своим густым, низким и почти что бесстрастным голосом. Мама ахнула, и даже Коля вздрогнул.

– Но его можно снять? Вы можете это сделать? – засуетилась она.

– Да, это возможно. Я могу провести обряд прямо сейчас, – царственно кивнул маг и тут же деловито назвал сумму, в которую это обойдется, в дополнение к таксе на обычный прием. Мама, уже целиком и полностью доверявшая целителю, согласилась не раздумывая.

– Вы подождете здесь, а мы с мальчиком пройдем в специальное помещение, – сообщил хозяин квартиры, поднимаясь с чурбака.

– А это не опасно? – вдруг забеспокоилась мама, вспомнив о страшных обрядах экзорцизма, знакомых ей, разумеется, исключительно по фильмам ужасов.

– Это абсолютно безопасно, – заверил маг. – Все буду делать я сам. К тому же вы будете рядом, в соседней комнате.

– А нельзя ли мне с вами? – робко спросила она.

– Нельзя! – маг величественно покачал головой. – Это нарушит баланс тонких энергий. К тому же проклятие в этом случае может перейти на вас. – Последнее замечание входило в некоторое противоречие с заверениями о безопасности, на что, впрочем, никто не обратил внимания.

Небольшая комнатка, куда хозяин квартиры провел Колю, была вся, включая окно, задрапирована плотной белой тканью безо всяких украшений. На полу, также покрытом белой краской, был начертан большой, не меньше двух метров в диаметре, круг с различными загадочными символами по периметру, а в его центре лежал стеклянный шар размером чуть меньше футбольного мяча.

Затворив дверь, маг пригласил мальчика войти в круг, после чего выключил электричество и стал ходить мелкими шажками по окружности, монотонным голосом читая какую-то тарабарщину. Через каждую пару шагов он останавливался, зажигал свечу, ставил ее точно на линию и продолжал свое движение. Замкнув круг, маг, поджав ноги, уселся на пол и предложил мальчику сделать то же самое, расположившись таким образом, чтобы стеклянный шар находился точно между ними.

– Что бы ты ни увидел и ни услышал, не выходи за пределы круга, – драматическим тоном произнес целитель, глядя мальчику прямо в глаза. – В нем ты в безопасности, но, переступив черту, можешь стать добычей темных сил.

Коля молча кивнул. Обстановка и сам ритуал произвели на него впечатление, и мальчик подумал, что, возможно, этот человек действительно может ему помочь или хотя бы дать дельный совет. Хотя, насколько он помнил фильм про Вия, магический круг не очень-то помог главному герою избежать гибели, хотя поначалу и сдерживал нечисть.

– Понимаете, все началось с того, что я повредил старую могилу. Или, скорее, осквернил... – волнуясь, произнес мальчик. – А потом мне стал мерещиться... являться кто-то... И пошли все эти неприятности...

– Я все увижу в моем магическом кристалле, – важно кивнул маг, имея, очевидно, в виду шар. – А сейчас сосредоточься, смотри в него и представляй то, что с тобой случилось. И помни: ни в коем случае не покидай пределы круга.

После этого Коля послушно стал глядеть в стеклянный шар, где отражалась его собственная, искаженная до неузнаваемости физиономия в ореоле мерцающих свечей, а маг, покачиваясь на месте, вновь затянул какую-то заунывную абракадабру. Тусклый свет, монотонное пение, слегка дурмнящие ароматы – все это вместе быстро ввело измученного и невыспавшегося мальчика в состояние полудремы, хотя глаза его и оставались открытыми. Впервые за несколько дней пришло расслабление, и, наверное, сеанс следовало посетить хотя бы ради него. Он вспоминал произошедшее в то злополучное воскресенье, причем в памяти неожиданно всплывали такие подробности, которые, казалось, давно были выброшены из головы, но все-таки зафиксированы сознанием. При этом Коля только представлял себе картины прошлого, в то время как его мозг отдыхал, а не анализировал все это в сотый раз.

Маг тем временем вглядывался в шар с таким напряжением, словно намеревался про-сверлить его взглядом. Время от времени он делал руками пассы, направляя вытянутые пальцы прямо на шар. Иногда казалось, что из них сейчас начнут бить молнии. От напряжения у него на лбу выступили крупные капли пота, которые он, однако, не спешил отирать, опасаясь, очевидно, нарушить концентрацию.

Неожиданно поверхность шара помутнела и начала быстро темнеть. В ту же секунду пламя свечей заколебалось, хотя комната была плотно закрыта, и в ней не ощущалось ни

малейшего дуновения даже самого слабого ветерка. Самым странным в колыпании пламени было то, что оно, вне зависимости от расположения свечи, наклонялось строго против часовой стрелки. Еще несколько мгновений, и язычки огня стали вытягиваться совершенно неправдоподобным образом, пока не образовали огненный круг.

Если в первые мгновения это казалось каким-то фокусом, то дальше Коля понял, что все гораздо серьезнее. Он весь дрожал, то ли от страха, то ли от того, что в комнате вдруг сделалось гораздо холоднее. Дрожал и маг, но, возможно, таким образом он просто пытался напрячь все свои силы, чтобы удержать ситуацию под контролем.

В комнате вместо благовоний вдруг повеяло сыростью и гарью. Над огненным кругом стал подниматься черный дымок. Шар же, между тем, сделался уже совершенно черным, но на его гладкой поверхности отчетливо выделялся огненный ручеек. Дым отделился от пламени, немного поднялся в воздух, и его черное кольцо стало сжиматься по направлению к шару. Оно медленно проплыло над головами мальчика и мага, сконцентрировалось почти до размеров стеклянной сферы и принялось вращаться, все увеличивая свою скорость.

Некоторое время образовавшееся темное облако казалось бесформенным, но вскоре оно замедлило вращение и стало приобретать очертания человеческой фигуры. Коля понял, кого он увидит в следующий момент. Он хотел вскочить и убежать, но, вспомнив предостережение мага, остался в круге. Мальчик сообразил, что следует хотя бы отвернуться, но замешкался, а когда опомнился, то уже не в силах был повернуть голову. Маг тоже оставался на своем месте, все такой же неподвижный, то ли тоже оцепенев, то ли сохраняя недюжинное присутствие духа.

Фигура, между тем, окончательно сформировалась. Мальчик не знал, что видел в этот момент маг, но на него самого глядели темно-красные, подернутые серой дымкой безжалостные глаза. В ушах зазвенели стихотворные фразы, как бы продолжающие старое проклятие.

Горюй, несчастный, но смирись,
Свою оплакивая жизнь.
Так покорись своей судьбе,
Я завтра жду тебя к себе.
Сегодня ж, можешь не молить,
О друге будешь слезы лить.

Произнеся эти фразы, человеческая фигура повернулась в сторону мага. По колыпаниям головы и бороды можно было предположить, что она что-то вещает и ему, но Коля не слышал ни звука. Зато он видел, как поверхность хрустального шара вновь делается прозрачной, и картины, открывшиеся ему, настолько поглотили его внимание, что мальчик и сам не заметил, как вновь обрел способность двигаться.

То, что он видел в шаре, казалось кадрами из исторического фильма, снятого с небывалой реалистичностью. Не хватало только звука. Был поздний вечер. К добротному бревенчатому дому подкрадывались люди, судя по одежде, крестьяне или бедные ремесленники. В руках у каждого было оружие: у кого вилы, у кого цеп, у кого просто дубина. Подойдя на достаточно близкое расстояние, они стали обкладывать дом соломой и хворостом. Откуда-то появился человек с факелом, и весь дом вскоре был в кольце пламени. Огонь быстро перекинулся на стены и крышу.

В доме замелькала какая-то тень, перебегавшая от одного окна к другому, но у каждого из них караулили по несколько вооруженных людей. Наконец, дверь распахнулась, и оттуда выбежал невысокий бородатый человек, объятый пламенем, и в его фигуре Коля без труда узнал того, кто не раз являлся ему. Он что-то кричал и пытался спастись. Воспользовавшись замешательством или страхом врагов, он сумел выиграть несколько секунд, пару раз пере-

катился по земле, чтобы сбить огонь, и неуклюже побежал в сторону. Но тут преследователи опомнились. Беглеца сбили с ног, над ним замелькали дубинки и цепи, и вскоре все было кончено.

Созерцание этой жестокой расправы повергло мальчика в шок. Тем более что он понимал: это никакой не монтаж, не комбинированные съемки, а все так и происходило на самом деле. Тем временем картинка в шаре сменилась. Обезображенное тело поволокли по земле, бросили в яму и наскоро закидали землей. Похоже, участники расправы торопились, как будто кого-то или чего-то опасались. Тем не менее они не упустили возможности поглумиться над захоронением своей жертвы. Каждый из них, перед тем как уйти, плюнул на свежую могилу.

Не успел мальчик подумать, что, оказывается, по неведению поступил так же, как убийцы, картинка вновь сменилась. Дело опять происходило ночью. Какой-то молодой человек, надрываясь, из последних сил волок с помощью веревок большой камень, который после долгих усилий установил над могилой и при свете луны принялся высекать на нем какую-то надпись. Человек постоянно озирался, словно опасаясь, что, если его застанут за работой, его ждет участь того, чью память он собирался почтить. Его черты показались Коле знакомыми. Казалось ему, что он узнал и камень, хотя, возможно, все дело было просто в игре воображения. Ведь в парке от камня он и видел-то только самую верхушку, да и то присыпанную листьями.

Очередная картина изображала село или маленький городок. Несмотря на то, что шар был небольшого размера, мальчик видел все подробности, включая лица обывателей. И среди них он узнал некоторых из тех, кто принимал участие в убийстве. А затем с калейдоскопической быстротой стали меняться картины различных стихийных бедствий, обрушивающихся на этот населенный пункт. Пожары, паводки, ураганы сменяли друг друга. Село приходило в запустение, а кладбище рядом с ним, напротив, росло. И вот уже вместо добротных домов здесь стояли убогие лачуги, занесенные снегом, да еще в количестве, едва превосходящем половину от прошлого благополучия, а по окраине того, что осталось от села, бродили волки.

Затем Коля неожиданно увидел парк (теперь он был точно уверен, что это и есть то самое место) и самого себя, плюющего на камень и произносящего скверные слова. Потом в течение нескольких секунд шла своеобразная ретроспектива его несчастий. Наконец, шар снова начал мутнеть, сделался ярко-красным и вдруг раскололся на части с оглушительным треском. Дым мгновенно исчез, а все свечи погасли. О том, что здесь происходило недавно, свидетельствовал лишь дымно-гнилостный запах.

Распахнулась дверь. Колина мама, обеспокоенная долгим отсутствием сына и шумом разбивающегося шара, не выдержала и решила проверить, что здесь происходит. Мальчик с трудом поднялся на ноги и подошел к ней.

– Ну что, все получилось? – с надеждой спросила она.

– Не знаю, – Коля пожал плечами. Он уже настолько успел привыкнуть к материализациям оскорбленного духа, что на этот раз испугался значительно меньше, чем хозяин квартиры. – Надо у него спросить.

Маг попробовал подняться, но это получилось у него только с третьего раза. Он весь трясся и обливался потом, а роскошная борода свисала, как старое мочало. От его величественных манер и уверенности не осталось и следа. Теперь это был просто очень испуганный человек.

– Это сильнее меня, – произнес он дрожащим голосом. – Мальчик разбудил дух сильнейшего колдуна. Я не могу ничего поделать.

– А кто может? – спросила упавшим голосом мама. – Вы кого-нибудь посоветуете?

– В нашем городе вряд ли, – маг нервно помотал головой. – Нужно ехать в Москву или Питер, но и там есть всего несколько человек, которые могут попытаться. Есть еще сильные маги в некоторых деревнях, но они далеко и принимают не каждого.

Мама стала переписывать адреса. Сам маг пока не в силах был держать в руках ручку, и даже страницы записной книжки приходилось переворачивать за него, после того как он дрожащей рукой надорвал несколько из них.

– А если мальчика сводить в церковь? – ухватилась за новую идею мама. – Вдруг это поможет?

– Я бы не советовал, – помотал головой маг. Не выдержав, он, не дожидаясь ухода посетителей, залез в буфет, достал оттуда какую-то бутылку и сделал большой глоток прямо из горлышка. – Он может рассердиться, и тогда все станет в десять раз хуже. Здесь нужен очень квалифицированный священник, знающий специальные обряды. А таких, насколько я помню, всего несколько человек, и выйти на них – дело непростое. Да и согласятся что-нибудь сделать они лишь с благословения местного митрополита.

Из квартиры колдуна мама с Колей вышли не только не приободренные, но даже в еще более угнетенном состоянии. Мама расспрашивала сына о подробностях обряда, но мальчик решил, что не станет пугать ее загадочными и страшными деталями, и сказал только, что внезапно погасли свечи, а шар потемнел и раскололся. Мама вслух размышляла о том, к кому теперь обратиться и куда ехать. Коля подумал было, что уехать куда-нибудь подальше от парка и камня – это идея, но потом решил, что так быстро они вряд ли куда-то соберутся, учитывая больное плечо и состояние Джека. Когда они проходили мимо церкви, мама задумалась, не стоит ли туда зайти вопреки совету мага, но потом все-таки решила, что делать этого не нужно. К тому же пора было идти в больницу, на перевязку.

В пути Коля был рассеян, порой отвечая на мамины вопросы и реплики невпопад. Перед глазами у него все еще стояли картины, увиденные в шаре. Если предположить, что все это не сон, не гипноз, а действительная картина давних событий, то выходило, что он осквернил могилу сильного колдуна. Как понял мальчик, местные жители много веков назад учинили над ним жестокий самосуд, заподозрив в колдовстве, а после заплатились за свой поступок различными несчастьями. Если такое произошло с целым селом, то уж наказать одного человека для духа столь могучего чародея – раз плюнуть. Коля про себя усмехнулся последней мысли, в которой заключалась неумышленная горькая ирония.

В больнице все прошло гладко. Еще раз внимательно осмотрев рану, врач, отметив ее странную форму, очень напоминающую цифру шесть, сказал, что с больным плечом все будет в порядке, но беспокоить его в ближайшие дни нельзя. Это ставило крест на соревновательных надеждах Коли, но он был к этому уже готов. Ему было сейчас не до легкой атлетики. Седьмой день неумолимо приближался, а никакого серьезного плана, призванного предотвратить неизбежное, мальчик так и не придумал.

Выходя из больницы, Коля с мамой неожиданно встретили Мишу, который и предложил другу прогуляться, если, конечно, тот нормально себя чувствует, а заодно и рассказать поподробнее, что же с ним произошло. Мальчику и самому очень хотелось высказаться. К тому же он решил, что следует дойти до парка, посмотреть на камень еще раз и, возможно, попробовать что-то предпринять. Мама колебалась, отпускать ли сына. Но Миша казался ей достаточно надежным и рассудительным товарищем, а дома после всех происшествий было так много дел, что она согласилась на прогулку, взяв с ребят клятвенное обещание гулять недолго и не ввязываться ни в какие сколько-нибудь опасные затеи, и отдала на всякий случай свой мобильник сыну.

– У тебя сегодня все нормально? – как только ушла мама, поинтересовался Коля, вспомнив о том, что в этот день пророчество касается лучшего друга.

– Слушай, ты уже второй раз за день это спрашиваешь. Почему со мной должно быть что-то не в порядке? – Миша был в искреннем недоумении. – Это с тобой в последнее время что-то не в порядке.

– Со мной – да, – вздохнул Коля. – И я сейчас, похоже, опасный сосед.

– Ничего, переживем! – Миша старался говорить с другом как можно бодрее, видя его угнетенное состояние.

– Мне все-таки кажется, что сегодня опасность может грозить тебе, – стоял на своем Коля. Он понимал, что пересказ пророчества едва ли произведет на товарища впечатление, но вот как предупредить его по-другому? Разве что рассказать обо всем с начала и до конца? Тогда, быть может, тот поймет, насколько все серьезно?

– Да что ты все «кажется» да «кажется», как старая бабка. Когда кажется, креститься надо! Ты лучше расскажи, как это в тебя копье угодило.

Ребята не спеша шли к парку, и по дороге Коля рассказал не только про копье, но и про другие, наиболее опасные происшествия, отметив как бы вскользь, что они происходят в полном соответствии с проклятием. Миша слушал серьезно, не перебивая, то ли проникаясь сложной ситуацией, то ли не желая раздражать больного и спорить с ним.

– А вот сегодня меня лучший друг должен покинуть, – закончил Коля.

– «Покинуть»? Подумаешь, покинуть! – бодро воскликнул Миша. – Уйду вечером домой, вот и покину!

– А вдруг это значит... – Коля запнулся, не решаясь вымолвить страшное предположение.

– Да ничего это не значит! – отмахнулся Миша. – Вот пойдем сейчас к этому камню, поглядим на него, и ты увидишь, что ничего в нем особенного нет!

Такому предложению Коля обрадовался. Он и сам собирался предложить сходить к камню, однако опасался тащить за собой друга. Но если тот сам так решил, тогда совсем другое дело! Мальчик постепенно заражался оптимизмом товарища, и теперь ему самому стало казаться, что, возможно, все не так уж и страшно. Обретя цель, ребята зашагали быстрее.

Но когда они дошли до заброшенной части парка, Колины страхи вспыхнули с новой силой. Он постоянно оглядывался по сторонам, ожидая какой-то опасности. От того, что мальчик не представлял, в какой форме явится эта опасность, было только хуже. Что это будет? Новое стихийное бедствие? Бродячие собаки? Хулиганы? Хотя, кажется, опасность каждый раз бывает новой. Значит, следует ждать чего-то еще?

Народу в этот день здесь оказалось довольно много. Возможно, кого-то привлекла газетная статья. По крайней мере, на такую мысль наводили некоторые люди чудаковатого вида, которые, судя по всему, увлекались то ли всякой чертовщиной, то ли просто непознанными явлениями. Мальчику подумалось, что теперь эта часть парка может стать местом паломничества разного рода оккультистов, готов, эмо и прочей подобной публики. Хорошо еще, если не сатанистов. С одной стороны, такое относительное многолюдие успокаивало: больше вероятность, что в случае чего тебе придут на помощь. Но с другой – если соберешься что-то делать с камнем, это может вызвать нездоровое любопытство.

На этот раз долго бродить в поисках не пришлось, и к камню ребята вышли без особого труда. Он был заботливо очищен от гниющих листьев и как будто даже вымыт или тщательно вытерт. Самое время осмотреть его как следует. Однако рядом с ним стоял невысокий, плохо одетый человек лет пятидесяти, в больших очках и с пышной седеющей шевелюрой, и водил над камнем рукой с каким-то проволочным квадратиком. Время от времени эта самодельная рамка слегка поворачивалась, к его великой радости. Мужчина что-то бормотал, то ли читая заклинания на манер сегодняшнего мага, то ли просто тихо беседуя с умным человеком, то бишь с самим собой.

– Удивительная концентрация отрицательной энергии! – радостно воскликнул он, завидев ребят. – Конечно, ее хватает везде вокруг, но этот камень – просто что-то потрясающее!

– Вы думаете, здесь опасно? – осторожно поинтересовался Коля в то время, как Миша скептически хмыкнул.

– Да это же настоящий алтарь зла! – с энтузиазмом воскликнул чужак. – Я подозреваю, что на нем в старину приносились жертвы.

– Тогда давайте мы этот алтарь... разрушим! – предложил Миша. – А то зла и без него хватает.

– Да вы что! Да как вы можете такое предлагать! – мужчина аж задохнулся от возмущения. Он стоял над камнем, нелепо размахивая руками, и с трудом находил слова, чтобы выразить свои чувства. – Да это место уникально! Таких в нашей стране всего несколько! Да и в мире совсем немного!

– А хорошо бы их было еще меньше. Или совсем не было, – спокойно продолжил Миша.

– Зло, оно и есть зло, – тихо добавил Коля.

– Да вы же просто варвары!

Чужак так энергично размахивал руками, что каким-то образом умудрился оцарапать себя своей же проволокой. В порыве праведного гнева он этого даже не заметил, но капелька крови, совсем крохотная, упала на камень. На это обратил внимание только Коля и мгновенно напрягся. Он ожидал, что сейчас должно случиться нечто очень нехорошее, и предчувствия его не обманули.

Раздалось знакомое шипение, и камень вдруг стал принимать красновато-черный оттенок, причем интенсивность красного цвета все увеличивалась, как у спирали старой электроплитки при нагревании. Похоже, в этот раз он тоже делался горячим, поскольку энтузиаст, жалобно вскрикнув комичное «ай-ай-ай», отскочил в сторону. Это легкоатлетическое упражнение он проделал не слишком проворно. Неудачно приземлившись, мужчина нелепо взмахнул руками, сбив с носа собственные очки, и тяжело уселся на пятую точку. Что-то бормоча, он принялся ползать по влажной листве, пытаясь отыскать очки, без которых был, похоже, совершенно беспомощен. В другой ситуации ребята, конечно же, помогли бы чужаку, но сейчас все их внимание было приковано к загадочным метаморфозам, происходящим с камнем, который уже достиг такой температуры, что листва вокруг него, несмотря на сырость, начала тлеть, испуская противный удушливый дым.

Коля уже понял, что будет дальше. Он схватил Мишу за рукав, пытаясь увести подальше от этого места, но тот застыл как завороченный и не двигался. Он-то видел такую картину впервые, и любопытство победило испуг. Дым тем временем начал подниматься вверх, стягиваясь к центру камня и все больше уплотняясь над ним. На этот раз бородатая фигура в балахоне сформировалась очень быстро (Коля подумал, что кровь, пусть и в таком малом количестве, пришлась ей по вкусу). Глаза-угольки уставились на мальчиков.

Энтузиаст зла, между тем, нащупал наконец свои очки, водрузил их на место и, увидев, что творится с камнем, и, издав то ли крик, то ли стон, проворно пополз в сторону. Сила испуга была такова, что он даже не сообразил, что можно встать на ноги и покинуть это место гораздо быстрее. Ребята были бы рады последовать его примеру, но у них уже не было выбора. Камень не отпускал, и они вынуждены были досматривать и дослушивать все до конца. А новая порция проклятия не заставила себя ждать. Причем первая его часть на сей раз была обращена к Мише.

Уважен прашуром твоим,
Остался я в долгу пред ним,

И против дерзкого врага
Потомок также помогал.
И жизнь никчемную твою
Тебе я, так и быть, дарю.
Но друга своего покинь,
Иначе ляжешь рядом с ним.
Ему от гнева моего
Уж не поможет ничего!

Едва отзвучали эти слова, Миша обрел способность двигаться, в то время как Коля по-прежнему сам оставался в состоянии, близком к каменному.

– Колян, прости, я не могу! – тихой скороговоркой пробормотал Миша и сорвался с места. Через сотню метров он догнал чудака, потерявшего свою рамку и уже успевшего сообразить, что передвигаться бегом гораздо быстрее, и дальше они улепетывали вместе до самых городских улиц.

Дымный фантом же, поговорив с Мишей, обращался теперь к неподвижному Коле. Листва же тлела уже у самых ног мальчика, и, хотя в пророчестве о шестом дне про огонь не было ни слова, тот опасался, что еще немного, и станет жертвой этой стихии. Голоса людей, как назло, раздавались где-то далеко, в другой части парка, словно все сговорились на время покинуть этот район.

О друге о своем забудь,
Пусть он уходит в вечный путь.
Я злую весть тебе принес,
Прольешь сегодня море слез.
А завтра ты сюда придешь
И место для себя найдешь!

Неожиданно, безо всякого предупреждения полил сильный дождь, дым рассеялся, а камень приобрел свой привычный грязно-серый цвет. Коля же вновь был свободен. Это случилось очень вовремя, потому что брючины мальчика уже начинали тлеть вместе с травой. Вообще же вокруг камня образовалась небольшая выжженная прогалина.

Сначала Коля хотел бежать, но потом, поняв, что теперь ему уже ничего не угрожает, грустно побрел к выходу из парка. Пророчество снова сбылось, и друг его покинул. От этого, конечно, было тяжело, но мальчик поклялся, что слез из-за этого предательства от него не дождутся, хоть в этом пункте предсказание не сбудется. Понятно, конечно, что Мишка очень испугался, и Коля пытался поставить себя на его место, но представить себе, что убегает, оставив товарища на тлеющей поляне и даже не попытавшись его вытащить, он не мог. Потом мальчик вспомнил, что в пророчестве говорилось что-то про «вечный путь», и немного забеспокоился. Такого он Мише, несмотря ни на что, уж точно не желал. Оставалось надеяться, что это просто метафора.

Затем Коля припомнил слова про пращура и в этот момент понял, почему лицо того парня, которого он увидел в шаре и который как раз и устанавливал тот самый камень, показалось ему таким знакомым. Ну конечно, он очень походил на Мишу! А вернее, Миша на него. Значит, его предок был как-то связан с этим колдуном? Или просто его пожалел? А что еще за помощь потомка против дерзкого врага? Все-таки, как ни крути, эти предсказания – вещь очень туманная. Пока не сбудутся – попробуй пойми, о чем речь!

Едва Коля вошел в дом, он понял, что случилось нечто очень плохое. Глаза мамы были красны от недавних слез, да и отец выглядел очень мрачным и расстроенным. В этот момент мальчик вообразил, что слова про «вечный путь» сбылись.

– Что случилось? – спросил он со смесью страха и надежды, что все еще поправимо.

– Звонили из клиники, – глухим голосом ответил папа, а мама только всхлипнула. – Джек умер.

Колины ноги сразу сделались ватными, и он опустился на стул. Глаза застилали слезы, которые он почему-то сдерживал из последних сил, словно стыдясь плакать при родителях. Так вот кто отправился в «вечный путь»! Не Мишка, а его самый настоящий, самый верный друг, не раз выручавший его. Мальчик ощущал жгучее чувство вины. Ведь если бы он тогда не плюнул на этот проклятый камень, с Джеком все было бы в порядке. Если бы... Не выдержав, Коля, не раздеваясь, убежал в свою комнату, где и дал волю слезам. Он плакал долго и горько. Несколько раз звонил Миша, который, очевидно, хотел что-то объяснить, но Коля всякий раз сбрасывал звонок, а потом и вовсе отключил телефон, чтобы отдаться своему горю.

Тело Джека можно было забрать на следующий день. А пока, поздно вечером, отец, захватив с собой лопату, отправился копать ему могилу. Никаких специальных кладбищ для домашних животных в городе не было, а делать самовольные захоронения считалось незаконным, однако почти все находили место для погребения домашних любимцев. Где-нибудь за городом, в лесу. Или даже в заброшенной части парка. Коля хотел идти с папой, но вынужден был остаться дома. Родители посчитали, что он и так слишком долго сегодня гулял, совершенно не соблюдая предписанного режима.

Когда отец ушел, мама сказала мальчику, что, несмотря на папины протесты и насмешки (тот считал, что все колдуны и экстрасенсы – одна шайка, подгоняющая друг другу доверчивых простачков клиентов), она уже успела выйти на одну бабушку, живущую в соседней области и занимающуюся снятием порчи. И она уже взяла отгул на понедельник, чтобы поехать к ней вместе с Колей.

– А завтра никак нельзя? – с надеждой спросил мальчик.

– Нельзя. По воскресеньям она своим ремеслом не занимается. Считает, что это грех! – объяснила мама. – И потом, туда с раннего утра выезжать надо, чтобы успеть. К ней сначала на поезде ехать, а потом на двух автобусах. А мы завтра с Джеком прощаемся... – И она всхлипнула, а следом за ней и Коля.

Мама осталась ожидать папу, а мальчик долго лежал в постели без сна, несмотря на усталость. Скорбь по Джеку, горечь от предательства, ноющая боль в плече и страх перед завтрашним днем не отпускали, поочередно занимая мысли. В конце концов, Коля решил, что завтра проведет весь день рядом с родителями, с Мишкой разговаривать не будет и, конечно, в парк – ни ногой. Сквозь дрему он еще услышал, как возвращается отец и говорит, что нашел хорошее место, а потом усталость взяла верх, и он провалился в сон.

День седьмой

Проснулся Коля, как ему показалось, от какого-то хлопка. Он, еще в полудреме, слегка поморщившись от боли в плече, потянулся в постели, подумал о том, как сегодня не хочется вылезать из-под одеяла, но нужно идти гулять с собакой, и только потом вспомнил, что Джека больше нет. Мальчик тут же резко вскочил с постели и направился в ванную комнату, чтобы смыть подступившие слезы. В квартире царила непривычная тишина. Позвав родителей и не получив ответа, Коля понял, что находится дома один. Значит, просыпаясь, он услышал, как уходили мама с папой.

На кухонном столе лежала записка, гласившая: *«Мы поехали за Джеком. Хотим все сделать пораньше, а то потом нам могут помешать. Ты подходи прямо на похороны, мы тебя подождем. Папа выкопал могилу в старой части парка. Там небольшое выжженное место и камень рядом. На нем потом даже можно будет что-то написать»*. Далее каллиграфическим маминым почерком шли инструкции по разогреву завтрака, но Коле сейчас было не до еды. Он трижды перечитал записку, а затем безвольно выпустил ее из рук, и она спланировала в угол, где до сих пор стояла неубранная миска Джека.

Мальчик прекрасно понял, в каком месте папа выкопал яму для последнего пристанища пса. Он пытался возродить в себе надежду, что это какая-то другая выжженная прогалина и другой камень; в конце концов, территория парка немаленькая, и мало ли у какого камня кто-нибудь разводил костер. Но поверить в это никак не получалось. Что же теперь делать? Остаться дома, сославшись на болезнь, и не попрощаться с другом? Или все-таки пойти туда, но только вместе с родителями? Хотя, что они смогут сделать в случае чего? Будут стоять как загипнотизированные, в то время как он займет место, предназначенное для Джека? Мальчик почти не сомневался, что именно в этом и состоит дьявольский план.

Зазвонил телефон, но, увидев, от кого звонок, Коля отвечать не стал. Минуту спустя пришло СМС: *«Я тоже хочу проститься с Джеком. И мне нужно тебе кое о чем рассказать»*. Сначала Коля хотел ответить, чтобы Миша не приходил, и написать, что им теперь не о чем разговаривать, однако потом решил не общаться с ним даже посредством сообщений. Мальчик очень надеялся, что его бывшего друга не будет на похоронах друга истинного. И как он только узнал? Родителей встретил, что ли?

И тут Коля подумал о том, как нестерпимо ему будет сознавать впоследствии, если предатель Миша проститься с Джеком придет, а его самого там не будет. Решив, что этому не бывать, Коля быстро, не теряя времени на завтрак, оделся и вышел на улицу. Он сделал это импульсивно, еще не зная, что предпримет дальше, пойдет ли к страшному камню, или попытается задержать Мишку, или попробует уговорить родителей выбрать другое место для погребения, но точно зная, что просто остаться дома он не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.